

Влад Савин

СТРАНА МЕЧТЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Морской волк

Владислав Савин

Страна мечты

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Савин В. О.

Страна мечты / В. О. Савин — «АСТ», 2016 — (Морской волк)

ISBN 978-5-17-094964-9

«Страна мечты» – одиннадцатая книга цикла «Морской волк», продолжение истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». День Победы в Великой Отечественной войне в альтернативной реальности тоже 9 мая, но сорок четвертого года! Но будет ли у героев этой истории покой – или Парад Победы это лишь точка на пути к новым сражениям? За то, чтобы реализовалась Страна мечты – СССР, так и не узнавший «перестройки» и капитализма.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-094964-9

© Савин В. О., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Лазарев Михаил Петрович	6
Обращение И. В. Сталина к советскому народу 16 июля 1944 года (альт-ист)	13
Анна Лазарева	15
У. Черчилль. История Второй мировой войны (альт-ист)	17
Молотовск (он же Северодвинск). День после Победы	18
Карл Штрелин, канцлер ГДР в 1944–1953 гг. Из кн. «Возрождение Германии». Пер. с нем. 1970 (альт-ист)	23
Лазарев Михаил Петрович. 17 июля 1944 года. Москва, Наркомат ВМФ	26
П. Тольятти. История итальянской революции. 1953, русское издание. М., 1955	37
«Демократия по-сицилийски», карикатура Кукрыниксов в «Правде», 20 июля 1944 года	39
Лючия Смоленцева (Винченцо)	40
Генерал-полковник авиации В.И. Раков. «Крылья над морем», альт- ист, Ленинград, 1969. Глава «Подготовка к возмездию»	45
Лазарев Михаил Петрович. Конец июля – август 1944 года, Северодвинск (Молотовск)	58
«О положении на Тихоокеанском театре военных действий». Аналитическая записка, с подписью «Н. Ш.». Для Государственного Комитета Обороны СССР	66
Анна Лазарева. Северодвинск (Молотовск), конец июля – август 1944 года	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Влад Савин

Морской волк. Страна мечты

© Влад Савин, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Благодарю за помощь:

Сергеева Станислава Сергеевича, Павлова Сергея, Толстого Владислава Игоревича, Сухорукова Андрея.

Также читателей форума Самиздат под никами BVA, Old_Kaa, omikron, HeleneS, Библиотекарь, БАГ, SovietWarrior, Sturmflieger и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Отдельная благодарность глубоко уважаемому Н.Ш.

Также благодарю, и посвящаю эту книгу своей жене Татьяне и дочери Наталье, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и помогают чем могут.

Лазарев Михаил Петрович

Пробуждение было резким и внезапным.

Срочное погружение, уход на глубину – ощущение не спутать ни с чем. У подводников вестибулярный аппарат это подлинно шестое чувство. Сколько раз уже приходилось так просыпаться в каюте, когда лодка совершала маневр. Стоп, я же не на «Воронеже», стоящем сейчас у стенки Севмаша, а в Москве! Четвертый этаж «сталинского» дома, наша с Анютой квартира. Потолки за три метра, в четырех комнатах простор, хоть танцуй, отвык я от такой роскоши, а если честно, и в 2012 году мне в ней жить не доводилось – командирская каюта на борту или панельная хрущевка в гарнизоне. Может, оттого и ложное срабатывание тревоги, к новым условиям не привык?

Тишина абсолютная. Что странно – по Ленинградскому шоссе машины нередко проезжают и ночью. А форточка открыта. Чего не хватает – не слышно тиканья часов! Громадные напольные часы в углу – мебель в этой эпохе вся такая солидная, капитальная. Управдом сказал, что нашу квартиру обставляли из немецких трофеев. Что как-то приятнее, чем услышать – прежний хозяин вещей получил расстрел с конфискацией, как враг народа. И квартира новая – дом, в будущем носивший имя «генеральского», построили совсем недавно. В отличие от печально известного «дома на набережной», где многие квартиры успели сменить по несколько владельцев. Так год сейчас сорок четвертый, а не тридцать седьмой!

Сегодня было 16 июля 1944 года, Парад Победы в этой истории! В отличие от иной реальности (параллельного мира, в котором нам еще предстоит родиться, через несколько десятилетий), где парад был в дождливый июльский день года сорок пятого – здесь ярко светило солнце. И мы были на Красной площади, видели все и слышали речь товарища Сталина – и со словами его были в тот момент согласны абсолютное большинство советских людей (о всяких там солженицыных и будущих новодворских не хочется сейчас и думать!). Рядом со мной был Юрий Смоленцев со товарищи – в 2012 лучшая группа спецназа Северного флота, ну а здесь это «те, кто самого Гитлера поймали живым», за что все получили высокие награды, как майор Смоленцев (а ведь два года назад старлеем был, с позывным «Брюс») за фюрера свою вторую Золотую Звезду, а еще любовь итальянки Лючии, партизанки Красных Гарибальдийских бригад – да и я считаю высшей своей наградой, что встретил я в этом времени единственную свою, Анечку-Анюту, которая должна была погибнуть в той истории, где война завершилась в сорок пятом – и стала моей женой в измененном нами мире.

Мы смотрели, как шли по Красной площади войска нашей армии-победительницы, в этом мире встретившейся с союзниками не на Эльбе, а на Рейне и Луаре. И кроме Советской армии, в параде участвовали поляки (как там в сорок пятом), и итальянцы-гарибальдийцы (а вот это уже изменение). После мы гуляли по торжествующей Москве, улицы были заполнены ликующими и нарядными людьми, мы были в парадных мундирах со всеми наградами, и Анюта с Люцией в легких шелковых платьях, такие красавицы! Вечером был салют «из тысячи орудий» и фейерверк, – а после мы пошли к ребятам в «Метрополь», домой я и Анюта попали в двенадцатом часу уже... и еще не сразу уснули! Это был день, который хотелось бы прожить снова и снова, остановив мгновение – то, чем должны завершаться романы со счастливым концом.

Но все проходит, и начинается следующий день. Что бывает в жизни – после звездного часа?

Анюта спит, раскинувшись на кровати. Волосы по подушке разметались – ну отчего у женщин в этом времени не принято их распущенными носить, надо или в прическу, или стричь коротко? Не разбудить бы – а то спит она всегда очень чутко. Сейчас лишь часы заведу, непорядок! Судя по тишине за окном, уже глубокая ночь. А завтра мне с утра в наркомат ВМФ, и

скорее всего, через день-два лететь на север, мой «Воронеж» ждет. Единственная пока в этом мире атомная подводная лодка, стоящая сейчас на Севмаше, где ее должны будут построить через сорок лет. С цифрой на рубке «93» – число официальных побед, а есть еще два десятка неофициальных, о которых посторонним знать не положено, как например линкор «Айова» и авианосец «Белью Вуд». Атомный подводный крейсер проекта 949, «летучий голландец» Советского Союза и Полярный Ужас, как прозвали нас фрицы, кому посчастливилось уцелеть, встретив нас в море.

Черт, ну и углов тут у мебели! В отличие от икеевской конца века. Фрицы проклятые, не могли делать полегче – не представляю, как все это затаскивали на четвертый этаж! А может и не фрицы – историю помню, из будущих времен. Как в некоем высоком военном учреждении с сорок пятого стояла такая же трофейная старинная мебель красного дерева. В начале семидесятых, когда с Францией было потепление, в Союз приезжала французская военная делегация, и посетили они то учреждение, не знаю зачем – и тут один почтенный месье вдруг узнает свой гарнитур, который «проклятые боши» украли из его родового замка! Скандала не было – месье на бывшую собственность прав предъявлять не стал. Хотя трофеи – что с бою взято, то свято! Да и не жду я у себя европейских гостей – мне, как гостю из будущего, и носителю тайны «ОГВ» («особой государственной важности»), общение с иностранными подданными не грозит! А часы точно немецкие – на них надпись готическими буквами, и год, 1870.

И тут, подойдя ближе, я замечаю в тусклом свете из окна, от уличных фонарей – то, чего быть никак не может. Маятник у часов замер, до упора отклонившись влево! Вопреки законам механики и всемирного тяготения.

Звук за спиной. Резко оборачиваюсь – из-под двери гостиной пробивается полоска света. И там кто-то ходит – один человек, вот прошелся, отодвинул стул, сел! Чего тоже быть никак не могло! «Генеральский» дом, тут и так была охрана, а после того, как моя Анюта в Киеве заработала приговор от ОУН, наш главный охранитель, «жандарм» Кириллов вместе с Пономаренко отнеслись к этому предельно серьезно. Когда мы сюда вселялись, Смоленцев со своими орлами тоже тут все смотрели, касаясь безопасности советы давали, Кириллов слушал внимательно и постарался учесть. Даже войти в квартиру несанкционированно постороннему невозможно – в караулке на первом этаже сработает сигнализация, и через минуту тут будет группа захвата. «Жандарм» мне рассказал, весной какой-то чудик тут пытался к кому-то влезть, его тотчас же повязали, «а после, для него главной заботой было убедить следователя, что он не покушение замыслил, за что по статье от десятки до вышки, а всего лишь кражу со взломом, от трех до пяти». Да и не будет вор так нагло себя вести! А свои никак не могли прийти без предупреждения – опять же, по здешнему распорядку, охрана сначала звонит и спрашивает, вам такой-то известен, и ждали ли вы его сейчас? Высокий чин, имеющий право приказывать охране – вроде того же Кириллова, комиссара ГБ, или кого повыше? Вот так, ночью, хозяев не разбудив? Ну а на арест «кровавой гэбней» это тем более не похоже. Да и нет за мной никаких грехов тут!

А если сейчас будут? Намекал же мне Кириллов, а Анюте – Пономаренко, что от киевских изменников ниточка потянулась на самый верх, в Москву? И если там и впрямь завелась оппозиция, в том числе и в немалых званиях, и кто-то желает тайно встретиться, узнать, а кто такой товарищ Лазарев, проходящий всюду под грифом «ОГВ» – или, что еще хуже, узнавший про «Рассвет» (здесь, для Тех Кому Надо – кодовое обозначение нашего провала в прошлое)? Ну а дальше – «предложение, от которого вы не сможете отказаться»? Чего я меньше всего желаю – быть хоть краем замешанным в антисталинский заговор! Не потому что я убежденный фанатик-сталинист – а потому, что альтернативы товарищу Сталину в данное время и на его посту не вижу! Вот нет у меня ни на грош веры тем, кто хочет – сначала ломаем, место расчистим, а там видно будет! А критиковать, «все не так», любой дурак может, как в известной басне Михалкова.

Только заговорщики-оппозиционеры это публика очень нервная. И при отказе вполне может устроить несчастный случай. Что ж, кто предупрежден... Юрка «Брюс» Смоленцев, кто в этом времени очень возможно станет аналогом бушковской Пирани, и уже владелец личного кладбища в полтысячи фрицев и прочей сволочи, учил меня – пока в твоих руках оружие, пока ты готов защищать свою женщину – ты мужик... а иначе ты просто тряпка и дрянь ничтожная. Правда, у таких, как Смоленцев, смертельным оружием мог стать самый безобидный предмет, не говоря уже о собственных руках и ногах. Или такая экзотика, как самурайский меч, что на стене напротив нашей кровати висит, как Брюс оценил, настоящая катана старинной работы, некогда принадлежащая немецкому адмиралу Тиле (полученная им в подарок от какого-то японца, после смерти Тиле доставшаяся его преемнику Кранке, а от него, после битвы под Тулоном, мне). После обязательно возьму уроки, как этой железкой грамотно махать, раз уж владею, – но пока «стечкин» надежнее, с ним Смоленцев меня на стрельбище таскал и грозился, что на севере непременно прогонит через «лабиринт»

– А то даже Лючия вам, Михаил Петрович, в скоротечном огневом контакте сто очков вперед даст. Кстати, имейте это в виду, если что, рассчитывайте на нее как на обученного телохранителя. Но и вами я точно займусь, как время найду!

Ну, пока придется идти с чем есть – в противника, находящегося в одной со мной комнате, не промахнусь! Пистолет в руке, теперь Анюту разбудить – две боевые единицы лучше, чем одна. А женушка моя, до того как попасть к нам в команду, успела повоевать в партизанах, снайпером и разведчицей. И стреляет отлично, что в Киеве и показала. А она не просыпается, не открывает глаз, как кукла. Отравили ее?!

– Товарищ Лазарев, не беспокойтесь! – слышу голос из-за двери, мужской, незнакомый. – Она проснется, как только мы закончим. Оружие можете брать или нет – мне это глубоко безразлично.

Предпочитаю не слушаться – распахиваю дверь и вхожу, с пистолетом наготове. Горит настольная лампа, за столом сидит обычный с виду мужик средних лет, слегка похожий на актера Алексея Горбунова в роли шута Шико. Даже не столько лицом – было в нем что-то неуловимое от шута, не от клоуна, а именно шута.

– Проходите, товарищ Лазарев, – легонько кивнул незваный гость. – Давно хотел с вами побеседовать. Ходил тут, знаете ли, по земле, обошел ее, решил заглянуть. Да, чтобы у вас не было сомнений в моей истинной сути – позвольте вам пару простеньких трюков показать.

И он вдруг исчез! Просто взял и втянулся в черную точку, висящую в воздухе! Затем возник снова – оставшись полупрозрачным, сквозь него была видна лампа, отодвинутая назад. Снова стал плотным, на вид осязаемым.

– Кто я? Тот, кто вас сюда отправил – такое объяснение подойдет?

Пришелец из какого-нибудь двадцать пятого века? Странно, я ожидал не сумасшедшего ученого-одиночку – а целый коллектив!

– Ну что вы, товарищ Лазарев? Равнять меня с какими-то ремесленниками? «Я отрицаю все – и в этом суть моя»! Но не беспокойтесь, я от вас, как от того германского неудачника, пять веков назад, душу требовать в уплату не буду. Зачем – если вы и так блестяще справились? Я, собственно, вас поблагодарить заглянул!

Так, мне только антипода Фауста не хватало! Вот только не понял, это чем же наше изменение истории так пришлось по душе главному черту?

– Фи, как грубо! Вот отчего меня считают грубым мясником, жаждущим лишь истреблять, ломать, портить? В этом нет смысла – допустим, я уничтожил бы весь этот мир, и с чем бы остался тогда? И поверьте, что вы, люди, с задачей истребления себе подобных справляетесь куда лучше, чем все силы ада – сравните число жертв войн и всяких там природных бедствий? К тому же открою вам великую тайну: зла как такового в этом мире нет! А есть добро, направляемое лишь на себя, или на себя и «своих», все равно по какому принципу – близости кров-

ной, национальной, идейной, религиозной, расовой – своим все, чужих не жалко. Вы старались, изменяли историю – и вам это удалось, в этой реальности ваша страна потеряла на шесть миллионов людей меньше. Зато война, и самая жестокая, охватила всю Европу, значительную часть Азии, Африки – и общее число жертв человечества уже превысило то, что было в вашем мире, а война еще не закончилась! Но мне не нужны жертвы сами по себе. Попы ошибаются, говоря о вечной борьбе Добра и Зла. На самом деле сражаются Хаос и Порядок. И я – князь Хаоса, а не Тьмы. Я не разрушаю мир, – а всего лишь, когда игра кажется скучной, смешиваю фигуры на доске. И смотрю с интересом, что выйдет – ну а кровь, смерть и разрушения, это, к сожалению, неизбежные побочные явления. А впрочем, отчего «к сожалению» – отправитесь лично вы или еще несколько миллионов к Хаосу на несколько десятилетий раньше, это будет микроскопическая разница для мироздания, но возможно, более интересный случай, как сказал один ваш литературный герой, быстрее «брожение жизненной закваски». Но вам пока это не грозит – вы еще не сыграли свою роль до конца. А вот ваша подруга – нет, не надо пытаться в меня стрелять! Тем более что я здесь лишь наблюдатель. Знаете, что ее приговорили не только ОУН, но и британская разведка – в УСО предлагали убить ее, чтобы вывести из равновесия вас, может сделаете ошибку? И чем кончится, не знаю – будущее этой реальности для меня закрыто, в этом и прелесть Игры!

Ага, читал когда-то у фантаста Бушкова, «дьявол не умеет предвидеть. Он может лишь строить козни, но это совсем не то». Разница, как между умом и хитрожопостью. Ну а от меня то что ему надо?

– Всего лишь, чтобы вы продолжали вести свою партию, как прежде. Ход событий уже предопределен, вы называете это «воронкой решений». Неужели вы думаете, что СССР, заглотивший слишком много, придется по вкусу всему прочему миру? А в вашем Вожде есть что-то от африканского царька Авеколо, не слышали о таком? Фюрер высшей черной расы, сейчас контролирует территорию с пару Бельгий, на которой с изощренной жестокостью истребляет всех белых, впрочем и своих же негров, кого считает врагами, тоже. Тупая скотина, убежденная, что все можно завоевать, всех поработить – смешно, что в вашей истории он прожил и умер простым сержантом колониальных британских войск. Ваш Сталин поумнее, – но как думаете, он, узнав от вас о «светлом будущем», и получив опять же от вас хороший военный инструмент, удержится от соблазна решить все самым простым путем? И тогда снова грядет война, и опять мешаются фигуры – а я посмотрю, что выйдет в результате! И не надейтесь на рай и ад – их нет. Духовные сущности умерших идут в Хаос, то есть ко мне. Так что поэт ошибся: мне не надо было брать с Фауста никакой клятвы, после смерти он и так стал бы моим! Вернее, то, что от него осталось.

Врешь, сволочь! Даже если ты и правда тот, кем представился. Виноваты ли мы, что помогли своей стране победить? Да, в этой реальности война закончилась раньше (ровно на год – тоже 9 мая, но сорок четвертого!). И не последнюю роль в том сыграли даже не наши торпеды, а информация. Здесь нашим удался «Большой Сатурн», окружение и разгром под Сталинградом не только армии Паулюса, но затем, с выходом на Ростов, двух немецких групп армий! И у Манштейна в декабре вместо опасной попытки деблокирования котла, «Зимней грозы», вышло разбивание башки о стену, и не было сдачи Харькова в феврале, поскольку фрицевская Первая Танковая армия так и не сумела вырваться из донских степей, а у одного корпуса СС не хватило сил. И наши в итоге зимнего наступления дошли до самого Днепра, поскольку у немцев нечем и некуда было затыкать громадную дыру во фронте¹. То есть наши безвозвратные потери в Сталинградской битве были меньше тысяч на триста – а у немцев в разы выше, чем в нашей реальности! Что имело важное значение и обратную связь: накопление опыта у нас пошло быстрее, а у немцев наоборот.

¹ См. «Восход Сатурна».

Не было Курской Дуги – лишь бои под Орлом, на северном фланге. Четыреста тысяч наших безвозвратных потерь уменьшим вчетверо – итого еще триста тысяч наших остались живыми. Битва за Днепр там была после Курска, когда наши с боями выходили на левый берег – здесь у нас по нему уже был исходный рубеж, налажены коммуникации, собраны запасы, войска пополнились и отдохнули. Итого «Днепровский Вал» был взломан очень быстро и с много меньшими потерями – еще двести тысяч наших солдат остались живы. Правобережная Украина, «Багратион», Прибалтика – примем как в той реальности, хотя, наверное, разница была, с учетом лучшего нашего опыта и вооружения. Вопреки авторам «альтернативно-фантастических» романов, перевооружение это далеко не такой легкий и быстрый процесс, надо учитывать реальные возможности технологии и имеющиеся ресурсы. Но все же здесь сначала все штурмовые подразделения, а к концу войны и вся пехота действующей армии были перевооружены на АК-42 (очень похож на наш «калаш», но немного потяжелее). И уже с лета сорок третьего сначала вместе, а затем и вместо «тридцать четверок» воюют Т-54 (не копия того, что мы знаем в нашей реальности! Но внешне очень похож – танк военного времени, с движком поперек, торсионной подвеской, монолитным лобовым листом и толстобронной башней-полусферой). Оставаясь массовым средним танком, он держал в лоб снаряд «тигра», с 85-мм пушкой мало уступая ему по огневой мощи, а с «соткой», с сорок четвертого года, заметно превосходил. Так что для панцерваффе наступил кошмар².

В Польше мы не стали спешить на помощь восставшей Варшаве – зная о будущем предательстве панов. Не было мясорубки в Венгрии, успевшей последовать румынскому примеру. Еще сто тысяч сохраненных жизней. Чехия, Австрия, Одер и Берлин – примем как было, хотя знаю, что захват Зееловского плацдарма был проведен нашей морской пехотой (в этой реальности оптимизированной как первый эшелон высадки на вражеский берег, включая и форсирование реки тоже) гораздо легче и быстрее. Зато здесь, в отличие от нашей реальности, были бои в Северной Италии и Юго-Восточной Франции, а также в Германии западнее Эльбы. Но потери там вполне могут быть перекрыты экономией в прочих, не перечисленных мной сражениях. Итого наша армия в этой истории в сравнении со знакомой нам, потеряла как минимум на миллион человек меньше (безвозвратные!), а сколько не было ранено и искалечено? Анята моя там должна была погибнуть в Белоруссии в сорок четвертом. А «Молодая гвардия» Фадеева, книга и фильм, уже вышедшие здесь в этом году, о живых героях – ведь тут Краснодар был освобожден еще до Нового года, молодогвардейцы все живы, Люба Шевцова даже в фильме играла саму себя! А сколько еще таких, о которых я не знаю, или погибших безвестными, не успев ничего совершить? И Ленинград здесь был освобожден от Блокады почти на год раньше, весной сорок третьего – знаю, что голода там в последний год не было, но бомбежки и обстрелы? Если фашисты были на нашей территории на год меньше, значит, многих не успели убить или в Германию угнать? И сколько людей, не погибших в этом варианте истории, теперь прославят СССР, став видными деятелями науки, культуры? Инженерами, рабочими? Да просто настоящими советскими людьми!

Так что – перед моей страной и моим народом моя совесть чиста! Ну а что гораздо больше досталось немцам – они ведь и в той, нашей реальности понесли относительные потери больше, чем СССР, иначе с чего бы Гитлеру под конец ставить под ружье подростков и стариков? Включать бывших пленных, «хиви» согласно Уставу, в состав каждой дивизии, в качестве нестроевых? Использовать пленных не в каменоломнях и на лесоповале, – а на военных заводах, включая те, что делали «фау», это могло быть лишь, если свои рабочие были взяты на фронт! Здесь же их потери были катастрофичны, фрицы так и не смогли заменить погибших в донских степях ветеранов, покоривших Европу, – именно нехватка обученного личного состава, готового драться и умирать за «дойче юбер аллес», была причиной, что их фронт катился на запад

² См. – «Днепровский Вал».

гораздо быстрее, чем в нашей реальности. И «Еврорейх», куда фрицам удалось втянуть Францию, Голландию, Бельгию, Данию и даже Испанию, – был далеко не равной заменой. В итоге европейцам досталось куда больше. Так сами виноваты – зачем было идти Гитлеру служить, «бесхозными землями на Востоке» соблазнились, вот и получили, по два метра на каждого!

Ну а потери наших союзников и всяких там африканцев? Так простите, если на вас нападет бандит, получит отпор, и в злобе бросится на тех, кто слабее – есть ли в том ваша вина? Только очень косвенная – что вы не добились гада до конца. Так никто не упрекнет Красную Армию в милости к фрицам, в этой истории, от Волги до Рейна! И может ли быть верность «общечеловечеству» больше, чем своей стране?

Вот только проговорился ты, гад, – сказав, что выгоднее тебе, чтобы больше погибших шли тебе «в переплавку». Чтобы больше было войны и смертей. И если ты царь Хаоса – то откуда же берется Порядок? Или где-то есть сущность, противоположная тебе?

– Вы, люди, странные существа. Совершенно не умеете видеть обе стороны сразу – а лишь ту, что повернута к вам. Чтобы мне насытиться, с таким же успехом я могу сказать, «плодитесь и размножайтесь», больше людишек на этой планете, больше и смертей, по естественным причинам. А откуда берется Порядок – взгляните на самих себя. Вы, если дать вам волю, сделали бы все, чтобы обустроиться в том, что имеете – и зачем тогда идти дальше? Мир стал бы застывшим и безжизненным, если бы в нем не было меня. Но мне пора – я сказал все, что хотел. И в любом случае, мне интересно, чем кончится ваша ветвь истории – я досмотрю до конца. Прощайте!

И он растаял, исчез на глазах.

Стояла все та же невероятная тишина. Подойдя к окну, я увидел машину посреди шоссе, дальше еще одну – они все замерли не у обочины, а как если бы ехали и попали в стоп-кадр. Обернувшись, я заметил крошечную точку над лампой, это была залетевшая в форточку муха, неподвижно висящая в воздухе. И маятник часов висел отклоненным.

И я окончательно проснулся. Услышал ход часов в углу и шум проехавшего автомобиля с улицы. Приподнялся на кровати, взглянул на дверь гостиной – света не было. Встал, проверил – пистолет лежал на месте. Так это все был сон? Меньше надо было еще в том времени Бушкова читать – каюсь, нравился он мне, вот воображение и разыгралось!

Теперь бы еще и Анюту не разбудить – почувствует неладное, еще лекарства начнет подсовывать. Была у нее припасена аптечка, раньше не было, а теперь завела – после аварии на реакторе, в последнем походе. И ведь не признается пока в этой слабости даже мне, и смущать ее не хочется – ведь повода, считаем, нет? Дурной сон, не более.

Но все же... Вот слова из нескладного сна. Не отпускают, хочется перебирать их, как темный бисер.

Хотя так до многого договориться можно? Вот погиб какой-нибудь Анри Франсуа в этой альт-истории. А в той, откуда мы пришли, остался жив – женился, сын родился. Только с внуками не повезло – один внук вырос пидарасом, а внучка – шлюхой и наркоманкой и подохла от спиды – всё, род Франсуа закончился... А наш боец Валентин Ефимов, там погибший на Зееловских высотах – выжил, вернулся домой, женился и воспитывает троих детей. Так кто ценнее – француз или русский?

Мысль понравилась. Да, Европа эта... Пи... В общем, не стоила того эта ваша Европа.

И впредь так должно быть – если уж с нашим появлением появился выбор – наши в землю лягут или их. Или вообще – людоеды какие-нибудь... Мир устроен просто в конечном счете, и нечего над этим мудрить! Раз мы сюда попали – то и строим мир нашей мечты, пока в отдельно взятой стране!

Потянуло холодом – возможно, это был просто ночной сквозняк, порыв ветра, проникший в открытую форточку, лето ведь. Где-то на краю слышимости прозвучало что-то похожее на смешок и похлопывание ладонью о ладонь, как будто кто-то весьма тактично одобрил мысль.

– Что случилось? – проснулась Аня. Резко привстала, тревожно огляделась по сторонам.

– Сон, – ответил я, – видел очень плохой сон.

– О том же, о будущем? – Аня придвинулась ко мне. – Так этого не случится. Потому что мы все знаем и не допустим. Ведь не может и здесь быть точно так же, как там, откуда вы... Спи. Или же...

Она улыбнулась лукаво.

– Ты просто утомился. Хочешь, я сниму твою усталость? Ведь у меня это получилось вечером? Продолжим, мой Адмирал?

А по большому счету, какая разница, сон это был или нет? Результат ведь не меняется – что делать, как жить? Делай, что должно – и пусть совесть будет чиста.

Обращение И. В. Сталина к советскому народу 16 июля 1944 года (альт-ист)

Товарищи! Великая Отечественная война окончилась для Союза Советских Социалистических республик полной и безоговорочной победой.

Не только наша страна, наш народ – весь мир, все человечество за всю свою историю не знали еще столь страшной, разрушительной войны. По размеру территории и числу населения воюющих стран, по мощи примененного оружия, по ожесточению боев, по числу жертв. Причем именно Советский Союз вынес основную ее тяжесть, именно на нас был направлен главный удар агрессора, решившего поработить весь мир, как во времена Древнего Рима, когда одна нация правит и владеет всем, а прочие это рабы. Но выстояли и спасли мир от фашистского порабощения – и в этом навсегда останется историческая заслуга советского народа перед человечеством.

Но опыт истории показывает, что нельзя почивать на лаврах – те, кто поступает так, жестоко расплачиваются, как например Франция, победитель в прошлой Великой Войне, и всего через двадцать два года, еще при жизни того же поколения, разгромленная фашистами всего за три недели! Война это не только страшное испытание, это еще и жестокий урок: как быть, чтобы такого больше не повторилось? Так какие же исторические уроки преподала нам эта война?

Первый – наша сила в единстве! Русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, грузины – все народы, населяющие СССР, встали на защиту нашего социалистического Отечества все вместе, плечом к плечу, не разбирая, кто какой национальности! И победили – хотя против нас была даже не одна Германия, а Еврорейх, вся покоренная Гитлером Европа! Пока мы едины – мы непобедимы. И кто думает иначе, кто хочет оторвать себе кусок, какими бы идеями ни руководствовался – тот враг всем нам! Показательно, что сама логика подобного мышления толкает таких «удельных князьков» к союзу с остатками недобитых фашистов, чему подтверждение Киевский мятеж! А также беспорядки в Прибалтике, где против нас объединились, уйдя в лес и стреляя из-за угла, бывшие эсэсовцы, полиция, остатки прежней буржуазии и помещиков, сторонники так называемой эстонской, латышской, литовской государственности, прочая им подобная мразь! Конечно, нашу страну, раскинувшуюся на шестой части мира, населяет множество разных национальностей, с особенностями культуры, языка, быта, но тот, кто ставит свои местечковые интересы выше общих, тот враг, тянущий в пропасть всех!

Второе – мы всегда должны помнить, что умение себя защитить, это основа выживания страны и народа! Никакие союзники не могут нам быть более верны, чем наша собственная армия и флот – а решения любой международной Лиги Наций, не подтвержденные реальной силой, для агрессора не более чем клочок бумажки. Во Франции еще до начала войны и политики с трибуны, и газеты кричали, «лучше нас поработят, чем снова Верден» – что ж, сдавшись по сути без боя, они получили и рабство, и Верден на чужой войне – не захотев стоять насмерть на своей земле, они были принуждены Гитлером идти умирать на Днепре. Мы должны понять – идиллии всеобщего мира и разоружения не будет, пока на всей земле не установится коммунизм! Война в Европе завершилась – но союзник Рейха, милитаристская Япония, разжигает пожар возле наших границ, бряцает оружием, устраивает постоянные вооруженные провокации на наших рубежах, по-пиратски топит наши торговые суда. И мы знаем, что по сговору с Гитлером, фашиствующим самураям была обещана наша земля от Тихого океана до Урала, – и когда мы сражались под Москвой, и на Волге, многомиллионная японская армия стояла наготове в Маньчжурии и Китае, ожидая лишь удобного момента, чтобы напасть. Потому быть готовым защитить свое Отечество с оружием в руках или трудиться в тылу, чтобы наши Воору-

женные Силы ни в чем не испытывали недостатка, это священный долг и обязанность любого гражданина СССР, так было и будет.

Третье – в историческом плане победа в войне, это когда в итоге достигнут мир, лучше довоенного. Имеем ли мы это сейчас? Для человечества, бесспорно – исчезла угроза мирового фашизма. А для отдельно взятого СССР? Немецко-фашистские агрессоры сожгли, разрушили сотни наших городов, заводов, тысячи сел и деревень! Наш уровень промышленного производства и выпуск сельскохозяйственной продукции сильно упал в сравнении с сорок первым годом. В довоенные пятилетки мы прилагали титанические усилия, чтобы подняться из положения отсталой царской России до величины мировых держав. Теперь мы снова отброшены назад. Не до уровня двадцатых, у нас теперь есть современная промышленная база Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана, но на территории, подвергшейся фашистскому нашествию, практически все обращено в прах. Потому нашим главным фронтом в ближайшие несколько лет станет фронт трудовой.

Мы можем позволить сейчас перейти на режим мирного времени, с восьмичасовым рабочим днем, с нормальными выходными и отпусками. А промышленные предприятия в значительной части переходят на выпуск продукции мирного назначения, включая товары народного потребления – цены на которые будут снижаться по мере роста их производства. Но последствия войны таковы, что в некоторых местах для людей нет ни жилья, ни фронта работ, а там, где нужны рабочие руки, их не хватает. Для скорейшего восстановления народного хозяйства нам нужно в первую очередь ввести в строй ключевые объекты, которые вытянут все остальное – такие, как ДнепрогЭС, шахты Донбасса, южные металлургические и машиностроительные заводы. Стране нужно больше горючего – и мы строим нефтяную базу, «второе Баку», в Поволжье. Я обращаюсь сейчас к эвакуированным, к демобилизованным из армии, не приказываю, а прошу. В общих интересах поработать пока не дома, а где надо, куда поставят – обещаю, что все вы вернетесь домой, но сперва нужно обеспечить, чтобы вам было, куда возвращаться!

Что же касается стран Восточной Европы, а также Германии, Северной Италии, а также отдельных территорий, занятых Советской армией, как Финнмарк, Курдистан, Сирия и Палестина, то позиция СССР неизменна. Народы вправе сами решать свою судьбу, и выбрать государственную принадлежность и общественный строй, какие считают нужным. В то же время и СССР вправе обеспечить, чтобы с этих территорий никогда больше не исходила военная угроза для нашей страны. Пусть будет Германская Демократическая Республика, но мы не допустим ещё одного Рейха. Также мы не откажемся от своего законного права требовать самого сурового наказания для военных преступников, виновных в зверствах к мирному населению и бесчеловечном отношении к пленным, вопреки принятым законам войны – и взыскать со стран-агрессоров возмещение ущерба, нанесенного нашему народному хозяйству. Когда немцы были под Москвой и Сталинградом, союзники не откликнулись на нашу просьбу открыть в Европе второй фронт против общего врага, а ждали, когда Советская армия дойдет почти до Берлина, и лишь тогда высадились в Гавре. Что ж, теперь будет по справедливости, когда Германия сначала полностью расплатится с нами, а уже после со всеми прочими. То же можно сказать и про Италию – поскольку итальянская армия воевала в сталинградских степях, но не на британской территории. Пусть народы решают сами – мы же заявляем, что не потерпим никакого иностранного вмешательства в этот процесс.

Наша победа в войне показала преимущества нашего советского, социалистического строя, правильность учения марксизма-ленинизма, в самых тяжелых условиях. Теперь же нам предстоит доказать это в режиме мирного времени, не только военной мощью, служащей лишь гарантией, чтобы нам никто не помешал, а прежде всего ростом производительности труда, достижениями науки и техники, повышением народного благосостояния. Нам это вполне по силам – и мы это обеспечим!

Анна Лазарева

Победа, которую так ждали. К которой стремились, себя не жалея – одна на всех, мы за ценой не постоим.

И вот этот день настал – и прошел. Праздником, как заслужено по праву. Но вот он прошел, и что делать, как жить дальше – нам, кому погибшие товарищи завещали, «ты только доживи»? Нам казалось, что сразу настанет совсем другая, счастливая жизнь. А оказалась – какой она будет, это зависит от нас.

Чтобы здесь никогда не было «перестройки». Я прочла в какой-то книжке, из мира потомков, что «именно Победа сделала нас, советский народ – таким, как он есть». И даже там, через двадцать лет после проклятого девяносто первого года, еще остались многие, кто считают свою национальность – «рожденные в СССР». Проголосовавшие тогда за сохранение Союза, братства народов, но преданные мразью, пролезшей наверх. И очень возможно, одной из причин катастрофы было, что и партия и вожди расслабились, поверили, что история подошла к своему завершению, установлению социализма, а дальше финишная прямая, и всемирный коммунизм. Зачем бороться и рвать жилы, если победа уже в руках – и можно заняться тем, как обустроиться лично себе? В отсутствие великой цели и реального дела – на передний план лезут мелкие дразги, интриги и подсиживания. Там, где единомышленники, сражающиеся за идею, – решили бы мелкие вопросы в рабочем порядке.

Наверное, главная истина, которую принесли в этот мир мой Адмирал и его товарищи – что завершения истории не будет. Ждет нас не конец пути, перед воротами в земной рай – и дорога, уходящая в бесконечность. И на ней нельзя сесть на обочине и предаваться покою. Придет «перестройка», и надо будет или погибать, или идти дальше, потеряв многое из нажитого – того, за что деды и отцы платили кровью.

Это понял здесь, прежде всего, сам товарищ Сталин. И потому, у Бронзового солдата, должного встать в Берлине, как в той истории – в руке будет не меч, а АК-42.

А я вспоминаю довоенные годы – как беззаботное счастливое детство. Когда я была доброй веселой Анечкой, не сомневающейся, что жизнь прекрасна, и завтра будет еще лучше. Я верю в это и сейчас – но вижу цену, которую приходится за это платить. А еще я вижу цель, ставшую для меня тем же, что еще два года назад, для меня была Победа – когда я была еще не посвященной в Тайну, «товарищем Татьяной» в оккупированной немцами Белоруссии. Я еще увижу девяносто первый год здесь, и чтобы «в СССР все спокойно». И не просто доживу, а приложу все силы, чтобы было именно так!

Знаю, что это будет непросто. Я представляла, как если бы окно во времени открылось снова, от нас в 1991-й, и Ельцина, Горбачева, Шеварнадзе, Чубайса, Собчака – всю сволочь, продавшую Советский Союз, и на скамью подсудимых, а дальше, по 58-й статье, «измена Родине»! Когда же узнала больше – из тех фильмов, книг и просто бесед с моим Адмиралом, – то поняла, что это не решило бы ничего: на место одних мразей вылезли бы другие! Беда была в том, что «перестройку» приняли массы, в то же время считая нас, живших в сталинское время – чудовищами и рабами. Не спорю, у нас бывало всякое – но дядя Саша, комиссар ГБ и старый друг моего отца, читая Солженицына, смеялся, а затем разоблачал ложь в его словах. А после я прочла, что в США (оплоте свободы и демократии, на взгляд ельциных, козыревых и собчаков), в том несветлом будущем количество заключенных больше, чем в СССР в тридцать седьмом – хоть по абсолютной величине, хоть относительно числа населения! Но даже мой Адмирал тогда, в августе девяносто первого (еще даже не капитан, а курсант училища) выходил на площадь с толпой «против ГКЧП». Понадобились ужасы и беды капитализма, с распадом великой страны, чтобы люди поняли, как их обманули.

Вот отчего, когда товарищ Пономаренко, мой командир, предложил мне выбирать, демобилизоваться после Победы или остаться в строю – я не колебалась! Стать женой и матерью, это тоже хорошо, и я не отказываюсь, – но кроме того, еще и работа в конторе, которую наши уже успели окрестить «инквизицией». Или службой партийного контроля, если официально. Главной задачей которой обозначена не только и не столько борьба с врагами, как создание таких условий, чтобы Ельцины никогда не смогли даже приблизиться к власти. Создать Систему, которая будет оздоравливать себя сама. Потому что присоединенные территории или внедренные достижения науки из будущего – дешево будут стоить, если опять предаст верхушка. А вот если удастся заменить «выше стоящих» на «впереди идущих» – тогда предательство будет просто невозможно!

Чтобы мир «по-ефремовски» стал проявляться уже в нашей реальности. Кстати, та наша встреча с Иваном Антоновичем в Палеонтологическом музее тоже должна будет принести плоды³ – Пономаренко заинтересовался моим докладом, согласившись, что Ефремов-писатель для СССР не менее важен, чем ученый-палеонтолог. И дело на контроле – когда придет срок, вступление в Союз писателей этому хорошему человеку облегчат и дальше проследят, чтобы лишних проблем в его жизни не было. Это ведь тоже работа «инквизиции» – зло карать, а доброму помогать!

У моего Адмирала дела в наркомате ВМФ, а я дома сижу одна. Еще несколько дней в Москве – в затем, назад, на Север! Как там девчонки мои без меня – для них ведь я сейчас в Ленинграде в университет восстанавливаюсь, под этим предлогом меня Пономаренко выдернул, месяц уже как! Чтобы слетала кое-куда на пяток дней, посмотрела, доложила – а пришлось в Киеве с бандеровцами воевать, самой теперь вспомнить страшно, а тогда я больше боялась, что сделаю что-то не так, и ведь дважды смерти в глаза смотрела! Жалко, что Василь Кук, главный гад, ушел, не поймали, – а дядя Саша сказал, что на Украине мне лучше пока не появляться, если ОУН приговор вынесла, то это серьезно⁴. Так надеюсь, на Севмаше бандеровской сволочи меня достать будет затруднительно?

И не будет нам всем покоя, пока жив мировой капитал! Не сумел нас войной сломить – будет теперь в друзья набиваться, сладко петь и лживые советы давать. Так я скажу, будущее зная – с такими «друзьями» никакие враги не нужны! И верно сказано, никто и ничто не сможет помешать победе коммунизма – если только коммунисты сами себе не помешают. Эти слова Ленин говорит, в спектакле, что мы с моим Адмиралом вместе смотрели. Тоже из будущего – «Синие кони на красной траве».

Хоть бы Юрка с Люцией в гости заглянули. Или им сейчас ни до чего, кроме друг друга, дела нет. Намекал Пономаренко, что Смоленцев с командой скоро новое задание получит, а римляночка со мной останется, с чем муж законный согласен, «пока не родишь, про войну забудь». И Петр Кондратьевич тоже говорит, «у нас ухорезов уже хватает, умные нужны». Так что, когда я и Адмирал на север, итальянка с нами, на стажировку и выучку. В Киеве она очень хорошо с нами работала – посмотрим, что выйдет дальше.

³ См. «Союз нерушимый».

⁴ См. «Союз нерушимый».

У. Черчилль. История Второй мировой войны (альт-ист)

Время от капитуляции Германии до Стокгольмской мирной конференции было воистину судьбоносным для Европейской цивилизации, освобожденной от гитлеровского порабощения и тут же попавшей под власть русского тоталитаризма. Хотя даже сегодня, вспоминая те годы, я не нахожу спасительного выхода: США преследовали свои, узко эгоистические интересы, а у Британской империи просто не было сил и ресурсов, в свете продолжавшейся войны на Востоке. Как известно, осенью 1944 года началось наше наступление в Индии, проходившее поначалу очень тяжело, несмотря на то что Маунтбеттен имел значительное превосходство в силах – однако японцы дрались с бешеным фанатизмом, что усугублялось трудной местностью, горными джунглями при полном отсутствии дорог. Рангун, Сайгон и Сингапур казались нам на тот момент куда более важными точками приложения наших сил, чем Европа. Кроме того, очень проблематично было в Африке, мятеж «черного фюрера» Авеколо и кучи вождей поменьше тоже требовал нашего вмешательства, как и наведение порядка в бывших французских колониях и на Ближнем Востоке, что влекло задействование практически всех вооруженных сил Британии, при том что позиция США в тот момент оставалась неизменной: до разгрома Японии никаких ссор со Сталиным! Может быть, это и было тактически выгодным сиюминутно, но в перспективе отдало Европу во власть дьявола!

Русские пользовались мирной передышкой, умело наводили порядок, подключая экономику завоеванных стран к своей. Это был не грабеж, а именно интеграция – СССР показывал, что пришел в Европу всерьез и надолго. Причем его требование «трех зон мировых валют» объективно играло нам на руку, укрепляя позиции британского фунта по отношению к доллару, что делало невыгодным и нашу открытую конфронтацию с Россией. В итоге, хотя УСО не было расформировано, главная тяжесть тайной войны легла на формально частные организации, как пресловутая «Геленорг» или Украинское бюро вспомоществования перемещенным лицам, располагающие весьма ограниченным бюджетом и ресурсами. И с нашей стороны было крайне нежелательным расширение помощи этим конторам, из-за их зоологической ненависти к русским – качество полезное, но опасное из-за неуправляемости, как я уже сказал, нам совершенно не нужен был в то время сколько-нибудь значимый конфликт с СССР. И если акции в Германии еще можно было списать на непойманный «Вервольф», то на Украине и в Прибалтике открытая поддержка повстанцев с нашей стороны была абсолютно недопустима. А желание ООН втянуть Британию в войну (чего стоил провал Турчинова, в Киеве объявившего себя нашим эмиссаром, по наущению Бандеры, несмотря на строжайший запрет) заставляло нас после провала киевского мятежа показательно дистанцироваться от украинских эмигрантов.

Потому летом 1944 года мы должны были ограничиваться лишь пропагандистской кампанией в прессе Британии и других европейских стран – в защиту демократических ценностей и прав, за свободные выборы, уважения права частной собственности, против подавления инакомыслия и насаждения тоталитаризма на территориях, оккупированных советскими войсками. С августа в Нанси начала вещание независимая радиостанция «Свободная Европа». Однако же единственным успехом европейской демократии в то время были муниципальные выборы в Южной Италии, где свободным волеизлиянием народа к власти в подавляющем большинстве городских коммун пришли достойные люди, не имеющие ничего общего с коммунистами.

Молотовск (он же Северодвинск). День после Победы

Город у моря. Не теплого, южного – студеного, северного. Хотя сейчас, в июле, и тут тепло – все ж еще не Заполярье.

Еще несколько лет назад тут, на берегу Северной Двины, было лишь болото да развалины старинного монастыря. Который мог считаться, однако, первым портом России – именно здесь, еще при Иване Грозном, было снаряжено посольство в Англию, за полтора века до основания Петербурга и за десятилетия до того, как чуть выше по реке встал город Архангельск. Теперь в уцелевшем монастырском здании размещался один из цехов громадного судостроительного завода, который в иной истории станет крупнейшим в СССР, обогнав даже Ленинград и Николаев.

У стенки заводского бассейна, скрытая от посторонних глаз, стояла подводная лодка, громадными размерами и скругленными формами похожая на кита – в отличие от острых акульих силуэтов субмарин этой войны. Единственная в этом времени атомарина, которую построят здесь же, на Севмаше, через сорок лет. И пока ученые пытаются разгадать феномен провала во времени, случившийся два года назад – партия и правительство СССР приняли решение – советскому атомному флоту быть! Что и стало причиной, по которой завод получил ускоренное, в сравнении с иной историей, развитие. Для обеспечения квалифицированными кадрами открылся филиал Ленинградского Кораблестроительного института. А на юге, за озерами, был построен еще один объект, именуемый для публики Второй Минно-торпедный арсенал, а для посвященных – «хозяйство Курчатова».

Фронт был далеко – за войну не было даже бомбежек. Теперь же Северный флот обживал новые, норвежские базы – Нарвик, Варде, Вадсо. Здесь же, в Белом море, оставались бригада катеров ОВР (охрана водного района), целая дивизия ПВО и, главное, «бригада строящихся кораблей», как для непосвященных называли в/ч, обеспечивающую боевую работу атомарины, а также опытовые (на которых отлаживали внедрение конструктивных решений «из будущего» – подлодка Щ-422), изучаемые трофейные (что с них удачного перенять можно – лодки U-1506, U-251) корабли и приданные для обеспечения старые эсминцы «Куйбышев» и «Урицкий». Флот уже перешел на службу мирного времени, в экипажах и береговых частях появились новобранцы последнего призыва, не нюхавшие пороха, на которых их товарищи, всего на полгода старше, но успевшие повоевать, смотрели чуть свысока. Победа пришла – теперь надо просто жить и исполнять свои обязанности!

– В Москве Парад Победы – жаль, в прямом эфире не посмотреть! Телевидение уже изобрели, и даже, с тридцать девятого года, передачи ведутся – вот только приемников, наверное, несколько сотен на весь СССР. И камера только одна, в студии, так что телерепортажей еще нет. Так что ждать придется, пока до нас кинохроника дойдет.

Капитан первого ранга Золотарев Иван Петрович, старший помощник командира атомной подводной лодки К-25, а в отсутствие командира, пребывающего в Москве, полновластный царь и бог на борту, сидел сейчас в квартире на территории бригады, до причала совсем рядом. Должность старпома на любом корабле это случай особый – например, в Уставе Российского Императорского флота прямо было написано, что «частое оставление корабля старшим офицером безусловно препятствует исполнению им своих служебных обязанностей». Но и день сегодня был особый – и никаких проблем на подлодке, стоящей у стенки завода, не ожидалось.

– Повезло, что мы не абы как, а экипажем сюда провалились. А экипаж подводной лодки это не пехотный батальон, и даже не партизанский отряд. Здесь куда все более жестко: ты не матрос Иванов, со всеми рефлексиями и переживаниями, а неотъемлемая часть единого боевого механизма, не человек, а функция – некогда рассусоливаться, никто за тебя твою вахту стоять не будет, делай свое дело, иначе все вместе к Нептуну пойдем. И вбивается это

– почти как в японской армии, где солдат прессуют до уровня биороботов, чтобы в бою на одних рефлексах, а взрывы и огонь рядом лишь адреналин добавляли. Ну и конечно, война – все понимали, что такое фашизм, не ужиться нам с ним на одной планете! Так что терпи и исправно функционируй – после Победы отдохнем. На этом два года и держались.

Из репродуктора слышалась песня: «...куда домой идти солдату, куда нести печаль свою» (в иной истории сочиненная гораздо позже). Иван Петрович посмотрел на фотографию на столе. Там были изображены молодая женщина и двое детей, мальчик и девочка. Фон был самый обычный, какая-то природа – и лишь при внимательном рассмотрении можно было заметить, что одежда и прически на фото выглядят странно для сороковых годов.

– Ты прости меня, Галя. Пока воевал, о тебе вспоминал мало, не до того было. Знаешь же – мы, подводники, не просто со смертью в обнимку ходим, она с нами рядом вахту несет! Хотя и техника конца века, а немецким глубинным бомбам все равно. И никогда мы там с такой интенсивностью в море не ходили, вот снова в заводе стоим, железо сдало, не люди! Да и на берегу тут тоже непривычно, после двадцать первого века. Вместо газовой плиты, дровяная, и чтобы обед подогреть – не конфорку включать, а возиться с растопкой. А ванну или душ принять – зажигай дровяную колонку! Есть уже и горячая вода централизованно, но пока далеко не везде. В печку сначала надо растопку, затем щепки и уж затем поленья. С углем попроще – если уголь дают. И после еще золу вычищать. Несложно, но мучительно – так что лично я предпочитаю питаться у нас на камбузе или в столовой, чем готовить по-холостячки. Вместо микроволновки керосиновый примус, но я его стараюсь не касаться, после того, как однажды чуть пожар не устроил. А готовить пришлось бы часто – холодильники пока еще большая редкость. Как и пылесосы, и стиральные машины – так что все руками! С обувью морока – синтетических ниток и материалов еще нет, дратва рвется легко, споткнулся, и уже ботинок каши запросил, а отчего в этом времени галоши носят поверх, так это потому, что кожаная подошва легко размокает. И одежду без синтетики гладить надо часто, а электрические утюги тоже пока еще хайтек, глажка же обычным чугунным, греющимся на спиртовке или от углей, – это такая процедура! Ну а самое худшее, что может случиться в этом времени, это если у вас заболят зубы – местную стоматологию наши уже окрестили «пытками гестапо». Зато телеящика нет, только патефоны и радиолы. А вообще, человек ко всему привыкает, как привык я бриться вместо электробритвы станком, а то и лезвием опасной. Другое дело, что все равно накапливается, незаметно. И что с этим делать – бог весть!

При том что нас ценят, за то, что мы сделали мы для Победы! Тут половина населения обитает даже не в коммуналках, а в бараках, та самая «система коридорная», комнатухи размером чуть больше вагонного купе, сходство дополняют нары по стенам, в два яруса, как полки, столик посреди, и ящики для личных вещей под нарами, все удобства в конце коридора, живут там обычно по четверо, или семьей – после такого своя комната в коммуналке кажется светлым будущим. А нам – отдельные квартиры, пусть в домах «два этажа два подъезда» с печным отоплением, какие в питерских и московских пригородах и в 2012 году встречались. Питание в столовой качественное, зарплата, даже с вычетом займов, вполне позволит «Победу» купить, как только их делать начнут, при том что трат почти никаких, живу на всем казенном, как при коммунизме, даже за квартиру не плачу, поскольку считается служебным жильем! Офицеры все тоже так, и семейные – лишь старшинам (матросов в экипаже атомарины нет, низшее звание на момент нашего провала сюда было, старшина 2-й статьи, ну а сейчас ниже главстаршины, по-армейски старшего сержанта, никого нет), кто холостой пока, отдельные комнаты в тех же домах «два-два-восемь». Условия выходят по комфорту, вполне сопоставимые с теми, что мы там жили, и даже как бы не лучше – помнишь, Галя, где мы в девяностых ютились? А все равно – как война кончилась, так словно опору вынули!

Ведь в ином, будущем времени, два сменных экипажа на атомаринах это не роскошь, а необходимость! Опасно корабль долго в походе держать, резко возрастает угроза, что кто-то не

тот клапан откроет (вот как во времена Кука и Лаперуза моряки годами родной порт не видели, не пойму – как крыша не съезжала?), – но и межпоходный отдых на базе это по большому счету лишь подкачка. Надо напряжение сбросить – если не на дембель, то отпуск на югах или домой! А ехать некуда, и вот лишь сейчас до большинства экипажа это по-настоящему дошло! И что дальше будет, не знаю. Бунт, неповиновение – это вряд ли, – а вот «не тот клапан» это просто. Или помню, как в две тысячи втором у меня матрос повесился, и не было ведь никакой «дедовщины», и вообще чего-то чрезвычайного – просто отходняк с депресняком накатил. А в этом времени каждый из нас уникален – даже какой-нибудь старшина, спец по автоматике, знает столько, что в него инженеры с Севмаша вцепятся, как в академика. И обещаны уже ребятам из экипажа места на Севмаше, и решение квартирного вопроса – вот только Север наш некоторым уже поперек горла стоит, хочется к теплу.

Наш отец-командир, контр-адмирал уже, Михаил Петрович этого не то что не замечает... просто вбит уже в него, да и в меня тоже, флотский порядок, что командир корабля больше на внешних проблемах озабочен, как врага победить, куда маневрировать и стрелять, а чтобы внутри экипажа все было безупречно, на то старпом есть. Оно и правильно – не все же ему на нашем «Воронеже» оставаться, уже открыто говорят, что светит ему дорога в Москву, в наркомат ВМФ (и если честно, я совершенно не завидую, высокие штабы и во время демократии были местом интригоопасным – а сейчас, в сталинское время, было вроде «дело адмиралов» сразу после войны, ошибся, и уже во враги народа, следовательно доказывать будешь, что не имел намерения нашу обороноспособность подрывать?). Ну, помоги ему Бог и судьба, хотя не слишком я верю, что есть там на небесах кто-то. А вот что «Воронеж» принимать мне, и полностью перед СССР, правительством и лично товарищем Сталиным за корабль отвечать, при том, что в экипаже творится... Единственный в советском ВМФ полностью орденосный экипаж (как минимум «Отечественная» обеих степеней у всех) – и экипаж, в котором до недавнего времени не было коммунистов!

Теперь есть. Сам же командир подал пример. А его Аня-партизанка втянула, сама став из комсомолок сразу инструктором ЦК! Кстати, и в экипаже «женатики» (уже одиннадцать человек успели на девушках из этого времени пережениться) показывают куда большую моральную стойкость. Это наверное, важно – чтобы тебя кто-то любил и ждал, сразу якорь появляется. Философы уже тысячи лет смысл жизни ищут – а я так скажу, по-простому: сумел достойно прожить, и после себя след оставить – дом, что ты построил, детей, кого ты вырастил, дело, которое ты сделал – и прожил ты не зря! Одиннадцать, кто уже тут корни пустили, – и вроде бы еще у человек тридцати или сорока на берегу кто-то есть, судя по встрече «алых парусов» (у девушек тут уже мода пошла, своих близких с моря встречая или, наоборот, провожая, надевать алое и развевающееся, хоть шарфик или платок), сколько красавиц нас встречали, когда мы со Средиземки пришли? Может, и обойдется без ЧП – войну выиграли, надо теперь научиться здесь жить?

Эх, Галя-Галочка, как ты там сейчас? Шестнадцать лет мы с тобой прожили – хорошо, если как академики предположили, этот мир весь параллельный, то есть нас не перебросило сюда, а расщепило, и там, в году 2014-м уже, остался другой «Воронеж», и другой я. Интересно, а если как-то снова пересечемся – я что, тогда уже в третьем экземпляре появлюсь, сам с собой сумею встретиться – или это уже клон выйдет, как овечка Долли? Узнать бы, хоть весточку послать, что живы мы все, лишь в иное время провалились? Не удивлюсь, если и здесь ученые копают, расследуя наш феномен – ну и много они узнать смогут, если пространственно-временным континуумом и в следующем веке еще не научатся управлять? Тут никакая гениальность не поможет – это все равно, что Ломоносову или Ньютону пытаться разобраться в квантовой механике. А пробовать методом тыка совершенно не хочется – тут Лазарев прав, а если нас в следующий раз выбросит в палеолит?

Эх, Галя, однолюбом я был и останусь. Поженились мы сразу, как я училище закончил, в девяносто шестом. Когда флотские офицеры ну совсем не считались завидными женихами, а ты из Ленинграда со мной уехала на СФ, даже не в Мурманск или Полярный, я тогда в Гаджиево назначение получил. А каково тебе рожать было, в девяносто восьмом – когда в правление Борьки-козла армия и флот считались «пережитком тоталитаризма», и отношения с финансированием были соответствующие, – помню, как какая-то жирная харя в телевизоре с придыханием доказывала, что «чем тратиться на ораву вооруженных дармоедов, эффективнее встроиться в международные системы обеспечения безопасности», а штатовцы в это время Белград бомбили и разоружаться не собирались. Все-то ты вынесла, Галочка моя, сына мне подарила, и дочь через четыре года – так что останется моя кровь в том мире, даже если меня там больше нет. И в году двенадцатом отношение к защитникам Отечества все ж лучше, чем при Борьке-алкаше – так что сумеешь ты детей поднять.

Стук в дверь. Кого там еще черт принес? Ведь предупреждал же, не тревожить! Сан Саныч (командир БЧ-1), оставшись дежурным по кораблю, обещал это обеспечить – и вроде полный порядок на борту, не было никаких срочных проблем еще пару часов назад! Но чужих, а тем более врагов и шпионов, тут по определению быть не может – в этом городе два объекта охраняются, как высший государственный секрет: Второй Арсенал и мы. Придется открыть – а вдруг и в самом деле случилось что-то чрезвычайное, и рассыльного с вахты прислали?

– Здравствуйте, Иван Петрович! Я к кораблю приходила, мне вахтенный сказал, что вы здесь.

Елена Прекрасная явилась. Которая у Анечки Лазаревой тоже в «старпомах» ходит. Прости, не в настроении я сейчас. Нужно что?

– Иван Петрович, я вам пироги домашние принесла. Вы в столовой сегодня спрашивали...

Ну да, спрашивал. В былые времена собирались мы за семейным столом – и фирменным блюдом, которое моя Галина пекла, был пирог с ягодами: с голубикой, черникой, клюквой, брусникой, что бог пошлет. А я готовить не умею, и даже у кока на «Воронеже» так не выходит, ну не тот вкус!

– Только подогреть их надо, остыли уже! Позвольте, я мигом!

Шляпку сняла, легкий плащ-пыльник сбросила («летучая мышь» без рукавов, тоже из будущего покрой), с сумкой на кухню прошла, фартук, с собой принесенный, повязала, чтобы платье не испачкать, хлопочет с керосинкой. Как-то быстро и ловко у нее получается, пироги на сковородке даже выглядят аппетитно – ну, попробуем, сравним!

– Иван Петрович, да вы не беспокойтесь, я сама принесу, на стол подам! И чай заварю!

Ну, если взялась... И Галя тоже не любила, когда на кухне толкуются, даже меня прогоняла.

– Этот с черникой, этот с голубикой. А клюкве рано еще. Попробуйте, Иван Петрович!

После такого даже выгонять ее неудобно. Ладно, пусть посидит!

– Это ваша жена, Иван Петрович? – фотографию увидела.

Жена. Сыну моему, Илюше, уже четырнадцать лет должно было бы исполниться. А дочке, Маринке, десять. Вот только не увижу я их никогда – нет их в этом мире.

Елена тихо сидит в углу, будто желая стать незаметной. А затем произносит:

– Война проклятая, скольких забрала! Только кажется мне, если бы они увидели, то не были бы рады, что мы душой каменеем. Жизнь продолжается – и много чести фашистам, если они нас навеки счастья лишат.

И снова молчит. А пироги вкусные! Совсем как те, что Галя пекла когда-то – ну почти совсем... Сама-то что не ешь?

– Так я себе еще сделаю! А это вам все.

Что ж, Лазаревой привет. Это ведь она тебя ко мне послала – как в прошлом году, ты американца домашним печеньем прикармливала?

– Иван Петрович, да как же вы можете так говорить? – у нее даже слезы блеснули. – Для вас я со всей душой старалась! Ну а тому – так, печеньки, как зверю обезьяну в зоопарке!

Ох, Елена, вот не помню как по отчеству, я ведь уже не лейтенант двадцатилетний! Взрослые ведь люди, все понимаем. Ты на себя посмотри и на меня – мне сороковник уже стукнул, а тебе сколько? Что ты возле меня все – найдешь еще ты себе молодого и перспективного, сама красавица какая. А я для тебя точно староват!

А она, услышав такое, как расцвела, улыбнулась в ответ! Рослая, статная, волосы русые, глаза синие, лицом на артистку Ирину Алферову похожа, из какого-то фильма про русскую старину⁵. Платье на ней, темный горошек на светло-синем, юбку-солнце по дивану широким веером раскинула, чтобы не измять – помню, как в нем она на «Воронеж» прибежала еще в прошлом году, и когда по трапу спускалась, мы подшутить решили, вентиляцию включили на полный, сцена была, Мерилин отдыхает – и ведь не обиделась же... Ближе придвинулась и шепчет, будто стесняется:

– Так, Иван Петрович, я тоже ведь стара уже, мне двадцать четыре! А мама моя в восемнадцать замужем была, отцу моему было как вам сейчас, и до сих пор в любви живут, в Архангельске будете, обязательно познакомлю. Папа у меня еще перед войной траулер в море водил, так что знаю я хорошо, что такое семья моряка.

Руку протянула, до моей дотронулась – и как швартовы завела! Лицо ее близко совсем, волосы у нее будто медом пахнут. А у меня ведь после Галочки не было здесь никого, уже два года! Может и правда, пора бы и мне причал тут иметь, раз в прежний мир никогда уже не попаду? Да если подумать, здесь не так уж и плохо – а лет через двадцать уже знакомое мне время начнется, ну почти, если там я с семьдесят второго.

Только Галино фото поверну лицом вовнутрь. Двери заперты – и к чертям все! Надеюсь, в ближайшие часы англо-американские империалисты с нами войну не начнут, и товарищ Сталин обо мне не вспомнит – а все прочее обождет!

⁵ «Василий Буслаев».

Карл Штрелин, канцлер ГДР в 1944–1953 гг. Из кн. «Возрождение Германии». Пер. с нем. 1970 (альт-ист)

Гитлеры приходят и уходят – немецкий народ остается.

Когда был заключен мир, многим немцам казалось, что все кончено. Германия подверглась еще большему разгрому и унижению, чем в прошлую Великую Войну. Ее судьба была всецело в руках победителей. И не было никаких гарантий, кроме слов маршала Сталина, которые я привел выше.

Русские удивили нас и удивили мир. Мы ожидали от них советизации по русскому образцу: КПГ объявляется правящей партией, все прочие запрещены, проводится национализация и экспроприация, приказным порядком вводится социализм. Ведь именно с такими целями в двадцатом Красная Армия шла на Европу, причем Сталин тогда занимал высокий пост в наступающих войсках. Или же, учитывая «имперские» тенденции, явно проявившиеся в СССР за последнее время, – что нас принудят к ещё одному Версалью, наложат огромную контрибуцию, запретят иметь армию и военную промышленность. Однако русские дали понять, что пришли в Германию всерьез и надолго – и намерены проводить разумную политику, без слепой идеологии и сиюминутного эгоизма.

– Если обратиться к истории, то можно увидеть, что от войны русских и немцев всегда в выигрыше оказывались англосаксы, – сказал мне господин Патоличев, назначенный Сталиным полномочным представителем (у нас бы его должность называлась – имперский наместник), – а в вашей политике и экономике постоянно боролись «русская» и «английская» партии. И когда вторая из них брала верх, наши страны сходились в войне. Нам это надоело – и мы пришли, чтобы этой партии не стало, и она не возродилась никогда!

В отличие от победителей прошлой войны, наложивших гнет контрибуции на всю Германию в целом, русские подошли к делу весьма избирательно. Так был национализирован концерн «Крупп», отличившийся тем, что даже Гитлер однажды выразил неудовольствие чрезвычайно тяжелыми условиями там для славянских рабочих, смертность которых на заводах Круппа превышала таковую в концлагерях⁶, также в счет репарационных платежей были включены контрольные пакеты корпораций и фирм, работавших на войну, таких как «ИГ Фарбен», МАН, Даймлер-Бенц. Часть репараций СССР взял промышленным оборудованием, но не было и речи о вывозе целых цехов и тем более заводов, никто не посягал на мелкую собственность – мастерские, магазины, кафе.

По политическому устройству – нас удивило, что Сталин не только не настаивал на монополии коммунистов, но прямо сказал о многопартийности, с участием социал-демократов, христианских центристов, крестьянской партии – категорическому запрету подверглись лишь нацистская партия и ее идеология. ГДР предполагалась президентской или президентско-парламентской республикой, с системой альтернативных выборов, в которых будут участвовать упомянутые выше политические партии; интересы СССР должны гарантироваться специальным договором, предусматривающим – Советский Союз будет владеть всеми германскими газетами, радиостанциями, иными средствами массовой информации на срок до 1999 года, кандидатуры новых президентов и канцлеров Германии в обязательном порядке будут согласовываться с СССР, без этого их избрание или назначение невозможно, кроме того, каждый новый высший руководитель ГДР, перед вступлением в должность должен будет подтвердить этот договор своей подписью; ГДР предоставляет свою территорию под размещение совет-

⁶ Исторический факт!

ских войск⁷. Не было наложено ограничений на армию Новой Германии, первоначальная численность Фольксармии в двадцать дивизий определялась нашими экономическими и, главное, демографическими возможностями. Однако обязательным условием была чистка личного состава от совершивших военные преступления против СССР (о других странах отчего-то не было упомянуто) и исповедовавших нацистские взгляды – уличенные в первом подвергались аресту и суду, во втором чаще отделялись отставкой. И в текст новой Присяги были введены слова о «защите Отечества вместе с Советской армией»⁸. Меня обвиняют в том, что я превратил Германию в советского вассала, в протекторат. Но выбирать не приходилось. *Vae victis!* – горе побежденным! Разве не было у нас планов так же поступить с Россией, даже без всякой войны? И в намечавшемся союзе Российской империи с Кайзеррайхом на рубеже веков, и в «союзе изгоев», сложившемся между Веймарской республикой и СССР, мы отводили Германии роль лидера. Наша мощная и динамично развивающаяся промышленность, инженерная и научная мысль, эффективный государственный аппарат давали нам огромное преимущество в мирном соревновании – а Россия была бы приведена к положению аграрно-сырьевого придатка (даже оставаясь при том суверенным государством, а не колонией). Даже в 1939 году этот вариант был возможен – если бы Гитлер стал бы играть с русскими честно, сохранив верность Пакту. Но идиот ефрейтор захотел сорвать банк – и погубил все!

Русские оказались неожиданно сведущи в умении управлять капиталом – а что не знали или не умели, тому быстро учились. При том что капитал промышленный в целом пользовался режимом благоприятствования, финансовый капитал подвергся завоеванию и разгрому! Введение рубля как обязательной валюты было лишь поводом для тщательной ревизии всей германских банков, со строгой проверкой отчетности – причем русские не только нашли экспертов, знающих особенности нашего делопроизводства и бухгалтерии, но и привлекли итальянцев из Финансовой гвардии (налоговой полиции), людей опытных и недоверчивых, хорошо знакомых с самыми темными схемами денежного оборота.

Затем, по результатам ревизии, банки подвергались «чистке» – или с взятием их под контроль, или с ликвидацией. Это касалось и небанковского финансирования, через кассы партийные, взаимопомощи, благотворительные. Промышленники, формально оставаясь частными, сажались на финансовый поводок практически советского планирования – получая деньги лишь на то, что было одобрено свыше. Старые финансовые группы решительно выметались из бизнеса, финансирование всей германской промышленности перехватывал на себя новоорганизованный Московско-Берлинский банк, по сути филиал Госбанка СССР. Процесс занял несколько лет, но к середине пятидесятых был завершен. Частные финансовые организации не были запрещены, но превращались в элементы банковской корпорации, где функции регулятора принадлежали все тому же Московско-Берлинскому банку. Практически германской экономикой руководил советский Госбанк – определяя всю кредитную политику, лицензируя и отбирая лицензии у частных банков, осуществляя контрольные функции, давая правительству указания по эмиссии и возможности выпуска ценных бумаг, обеспечивая финансирование крупных проектов. Во время этого процесса, поскольку промышленность не может стоять, ее финансирование осуществлялось из Оккупационного Казначейства, в отличие от банков не имеющего нормальной функции кредитования. То есть деньги выделялись строго по смете и под конкретное дело.

Не все шло гладко. Для предотвращения нарушений и злоупотреблений была создана особая Финансовая полиция – история ее деяний, иногда не менее увлекательных, чем любой

⁷ В целом, соответствует Секретному договору ФРГ – США от 1949 года нашей реальности. Составной частью этого договора является т. н. «канцлер-акт». А вы не знали, что и сейчас назначение президента и канцлера ФРГ подлежит утверждению в Вашингтоне, и эти высшие должностные лица не вправе распоряжаться своей же армией – бундесвер реально подчинен не властям своей страны, а командованию НАТО?

⁸ Это было в Присяге ННА ГДР.

детектив, еще ждет своего летописца. Но финансовых «клубов» прежней Германии больше не было. Люди, кто в них входили – частью перешли в ряды промышленников, частью эмигрировали, частью занялись антиправительственной деятельностью и были осуждены. Однако русская политика оказалась весьма благоприятной для Германии в целом, получившей доступ у рынку и ресурсам СССР.

– Все очень просто, – позже говорил мне Патоличев в непринужденной беседе, – совокупный экономический потенциал англосаксонских стран составляет примерно 55–60 % от мирового экономического потенциала, а наш, даже если бы мы воспользовались преимущественным правом разграбления Германии, не превысил бы 10–15 % от него же, и то не сразу – предприятия надо демонтировать, возвести цеха, перевезти оборудование, смонтировать его на новом месте, обучить персонал. То есть англо-американцы скорее всего просто раздавили бы нас за счет экономического превосходства – возможно, после некоторой мирной передышки. Объединив же наши ресурсы, мы имеем примерно 25–30 % от мировой экономики – с возможностью быстрого роста. Что уже дает хороший шанс.

Таким образом мы оказались накрепко привязаны к России. Но благодаря этому русские были заинтересованы в нашем процветании так же, как в своём. Огромную роль в становлении Новой Германии и «Немецком экономическом чуде» сыграл как гений доктора Эрхардта, так и, с русской стороны – Институт общей статистики имени Кондратьева при русском Министерстве финансов. И я абсолютно убежден, что ГДР никогда не стала бы наиболее промышленно развитой страной Европы, окажись мы в сфере влияния США!

Лазарев Михаил Петрович. 17 июля 1944 года. Москва, Наркомат ВМФ

После решения текущих дел Николай Герасимович Кузнецов предложил мне задержаться. И сказал:

– Михаил Петрович, мне бы хотелось с вами побеседовать о предельно серьезном – но этот разговор должен остаться сугубо между нами. Вы не возражаете?

Я прекрасно знал, что Николай Герасимович, при всей его жесткости и решительности, является предельно порядочным человеком, никогда не замешанным ни в каких интригах и не лезущим в политику; но я хорошо понимал и то, что наше знание о будущем, пусть неполное и отрывочное, может стать, высокопарно изъясняясь, не только мечом против внешних врагов, но и отравленным кинжалом во внутренних разборках, недаром Берия старался, обкладывая нас по всем возможным направлениям, отнюдь не только ради соблюдения режима секретности. Все же я бы отказался, предложи мне такой разговор кто-то другой, но сыграли свою роль и человеческая порядочность Николая Герасимовича, и корпоративная солидарность потомственного морского офицера, и, не стану скрывать, мое глубочайшее уважение к нему, как к создателю советского флота.

– Да, товарищ нарком, – ответил я, – даю слово офицера.

– Михаил Петрович, давайте без чинов, – предложил Кузнецов.

– Почту за честь, – ответил я.

– Михаил Петрович, я никогда не спрашивал вас о своей дальнейшей судьбе, считая это неуместным, хотя, не стану скрывать, мне очень хочется это знать – не сочтите мои вопросы завуалированной попыткой узнать свое будущее, – начал объяснять свою позицию Николай Герасимович, – но сейчас в верхах начались нехорошие шевеления, касающиеся послевоенного распределения средств между армией и флотом, поэтому я хочу спросить вас прямо, что было с флотом после войны, в вашем прошлом?

Я немного помедлил – говорить горькую правду о послевоенном погроме флота мне очень не хотелось, но лгать Николаю Герасимовичу, не отделявшему свою судьбу от судьбы нашего флота, вложившему в него свою душу, я не мог даже «во спасение».

– Будет плохо, Николай Герасимович, – глядя ему в глаза, ответил я, – подробностей я, честное слово, не знаю, но после войны была большая драка не просто за финансирование, столкнулись две концепции будущего флота – армейцы хотели видеть флот силой, обеспечивающей потребности армии, тогда как моряки выступали за флот – равноправную армии силу. Вы и ваша команда выступали за строительство мощного, сбалансированного флота, со временем способного бросить вызов янки – армейцы же хотели, во-первых, поддержки приморского фланга армии, во-вторых, еще одну «Битву за Атлантику» силами подводных лодок, чтобы в будущей войне пресечь поступление американских подкреплений и снабжения в Западную Европу.

Сухопутчики победили – обеспечив и упразднение самостоятельного наркомата ВМФ, и разгром флотских кадров, и фактическое замораживание строительства тяжелых надводных кораблей, классом выше легкого крейсера на полтора десятилетия – крайне одностороннее развитие нашего флота, которое так и не удалось преодолеть, несмотря на все усилия Сергея Георгиевича Горшкова. Наш флот стал вторым в мире после американского, присутствуя во всех океанах, – но мы так и не избавились от крена в сторону легких сил и подплава, единственный нормальный авианосец построили в самом конце советской эпохи (кстати, его назвали в вашу честь). А второй, однотипный ему, готовый на восемьдесят процентов, в 1991 продали за границу на слом – и по этой цене его купили китайцы и собираются достраивать. Крейсера

и эсминцы выходили недопустимо малыми сериями, отчасти из-за того, что судостроительная промышленность срывала по срокам все программы ВМФ.

В 1947 году был несправедливый «суд чести», именно что в кавычках, вошедший в историю как «Дело адмиралов» – где вас, Галлера, Алафузова и Степанова, с подачи Булганина, обвинили в передаче союзникам данных по высотной парашютной торпеде, некоторым артиллерийским системам, картографической информации. Всех признали виновными, и дело передали в Военную коллегия Верховного суда, где вас понизили в звании до контр-адмирала, а остальным дали срока. Алафузову и Степанову вы смогли немного помочь в 1951 году, добившись их перевода из одиночек в общие камеры, а Галлер умер в заключении в 1950 году.

– Михаил Петрович, очень деликатный вопрос, – помолчав, спросил Кузнецов, – поймите меня правильно, пожалуйста, – мне надо знать, кому я могу доверять – не для себя, для флота – кто предал?

Мне было трудно ответить на этот вопрос, очень уж это отдавало доносом, но глядя в глаза Кузнецову, я понял, что он не лукавит. И будет стараться для флота – не для себя.

– Первоначальный донос написал каперанг Алферов, а топили вас Абанькин, Левченко, Харламов под руководством старавшегося изо всех сил Кулакова.

Николая Герасимовича просто передернуло от брезгливости – и я его хорошо понимал, будучи слышав еще от отца об исполнителях расправы. Кадры были один другого краше – Алферов, при сомнительных послевоенных заслугах в создании атомного оружия, в 30-е увлеченно искал и находил «вредителей и врагов народа» на минно-торпедном производстве. Не замеченный в каких-либо успехах во время войны Абанькин тем не менее получил орден Ушакова неизвестно за что – надо полагать, на суде он отработывал сию высокую награду. Харламов почти всю войну руководил нашей военно-морской миссией в Великобритании, так что объявить его английским шпионом было легче легкого – вот и доказывал свою лояльность предательством. Левченко, после сдачи Керчи, заработавший прозвище «подземный адмирал», едва спасенный Кузнецовым от расстрельной стенки, и «отличившийся» организацией и планированием десанта на остров Соммерс, – комментировать этот организм, «отблагодаривший» Кузнецова за спасение своей шкуры, мне просто не хотелось. Ну и главный инквизитор ВМФ Кулаков – в оценке этого деятеля батины сослуживцы придерживались редкого единодушия, искренне сожалея, что его никто не утопил в выгребной яме. К сожалению, таковы были реалии сталинской эпохи – мужество и самоотверженность, честность и порядочность тесно соседствовали с жестокостью и предательством, доносом и мерзостью, зачастую тесно переплетаясь в непредставимых для человека другой эпохи сочетаниях.

– Михаил Петрович, а что, по вашему мнению, надо сделать, чтобы избежать такого исхода нашего противостояния с армейцами? – спросил меня Кузнецов.

Нельзя сказать, что я был шокирован, услышав этот вопрос – я просто выпал из реальности, услышав такое; представить себе вариант, когда Кузнецов просит у меня совета, я не мог. Вообще. Никак. Это было невозможно – и точка.

– Не знаю, Николай Герасимович, честное слово, – ответил я, – понимаете, я всю жизнь был простым исполнителем, и не более того – я просто не умею интриговать, не мое это, поверьте; а уж интриги в таких сферах находятся на таком расстоянии от сферы моих знаний и умений. Честное слово, я просто не знаю, что тут можно сделать..

– И все же, как бы вы решали эту проблему, окажись вы на моем месте, Михаил Петрович? – настойчиво спросил Кузнецов – поверьте, мной движет не досужее любопытство.

– Николай Герасимович, простите, пожалуйста, но я даже теоретически не могу оказаться на вашем месте, – искренне сказал я, – уровень категорически не мой.

– Сталин, не исключено, совсем иного мнения, – прямо сказал мне нарком.

Наверно, мое лицо сказало Кузнецову все – и он начал объяснять мне текущие расклады.

В кратком изложении это выглядело так – Сталин давно мечтал об океанском, могущественном флоте, была у него такая «любимая игрушка», но то у Советского Союза не было экономических возможностей для этого; то появились экономические возможности, но не тянула промышленность, при этом вставшая насмерть, лишь бы не допустить заказов в Германии; то, как это было перед самой войной – появились деньги на то, чтобы заказать два современных линкора с 406-мм орудиями в США, но дело сорвалось из-за «морального эмбарго».

– Когда я знакомился с документами, освещающими послевоенную кораблестроительную программу, у меня сложилось впечатление, что Сам был за масштабное военно-морское строительство, но стеной встали сухопутчики и летчики, которым требовалось коренное перевооружение на новую технику, вот все и спустили на тормозах, – грустно сказал Кузнецов, – ну а меня с товарищами скушали, чтобы не путался под ногами со своими авианосцами и тяжелыми крейсерами, провернув интригу, чтобы все это выглядело благопристойно. Возможно, что и оборонщики приняли участие – им хватало хлопот с новыми танками и самолетами, чтобы вешать на себя и новые корабли. Ну а Сталину приходится учитывать мнение и армейцев, и руководителей оборонки – тогда становится понятно, почему был такой состав обвиняемых по «делу адмиралов» – Алафузов и Степанов, соответственно, создатель советской теории морской мощи, разумеется, в классическом варианте, и его «правая рука», применительно к штабной работе; и Галлер – руководивший созданием наших кораблестроительных программ, и куратор программ морского вооружения; в общем, выбили ключевые фигуры, без которых я был как без рук.

– Вы правы, Николай Герасимович, – прокачав ситуацию, подтвердил я, – тогда, в конце сороковых, ликвидировали кафедры оперативного искусства в военно-морских вузах – восстановили их, по-моему, только в 1963 году; показательно свирепо расправились с переводчиком книги «Английская морская пехота» – каперанга, не помню его фамилии, лишили звания, боевых наград и посадили на 15 лет, по смехотворному поводу, обвинив в «восхвалении английской морской пехоты». И вообще теоретики флота очень пострадали – были репрессированы, кроме Алафузова, Белли, Егорьева, Боголепова – это те, кого я помню.

– Все сходится, – кивнул Кузнецов, – выбили тех, кто выступал за самостоятельную роль флота. Готов поспорить, что Алафузову поставили в вину его теорию «зонального господства»; а каперанг, которого вы упомянули, по всей видимости, Травиничев – это наш ведущий теоретик морской пехоты – все верно, похерили саму идею сильной морской пехоты, чтобы у флота не было даже мысли о чем-то более серьезном, чем высадка тактических десантов в рамках поддержки приморского фланга армии.

– Вы победили в споре, Николай Герасимович, – согласился я, – это называли, по-моему, «перелицовкой англосаксонской теории морской мощи».

– Ну, обвинители сказали правду, – горько улыбнулся Кузнецов, – это действительно переделка англосаксонских теорий применительно к нашим условиям и скромным возможностям.

– Меня в юности очень удивляло, почему у нас с конца 40-х до начала 60-х вообще прекратили изучение иностранного военно-морского опыта, – припомнил я еще одну странность, – первый учебник, где излагался опыт Второй мировой, полученный ведущими флотами мира, издали только в 1962 году.

– Вот видите, Михаил Петрович, как все сходится, – повторил Кузнецов, – что же касается вас: Сам поручил вам подготовить доклад о начальном периоде войны на Тихом океане, из чего можно сделать далеко идущие выводы, что ему нужен не просто командир «Воронежа» Лазарев, но адмирал Лазарев, которого он, насколько я понимаю, примеряет на роль моего сменщика, возможного главкома флота, в связи с чем у меня есть к вам несколько риторических вопросов. Начнем с того, что строго говоря, Сталин прав – сколько еще ресурса осталось у «Воронежа», на полгода, год, если повезет? Использовать же ваш корабль как опытовую лодку,

что вы предлагаете – да, несомненно, однако же с этим справится человек и меньшего калибра, чем вы. Когда Сам говорил «Кадры решают всё», это был крик души. Полагаете, я не знаю настоящую цену тем же Октябрьскому с Трибуцем? Просто нет гарантии, что их сменщики не окажутся еще хуже.

– Николай Герасимович, слово офицера – я никогда не буду вас подсиживать, – искренне сказал я, – и в мыслях такого не было.

– Я верю вам, Михаил Петрович, – глядя мне в глаза, сказал Кузнецов, – но вам никогда не приходила в голову мысль, что вы будете наилучшим для меня преемником на посту наркома флота – просто потому, что вы, как и я, душой болеете за флот, вы будете делать для флота все возможное – а в вашем мире на мое место наверняка назначили кого-то, кто сидел «тише воды, ниже травы».

Я смотрел в глаза Кузнецову и понимал, что он говорит правду, что он действительно готов жертвовать своим личным будущим ради флота Державы; что на фоне остальных кандидатов на его пост, того же Юмашева, я действительно буду лучше, пусть и ненамного; но также я понимал, что я этот груз не потяну, никак – ну не Кузнецов я, и не Горшков, – и тем самым подведу человека, память которого наш флот свято чтит спустя десятилетия после его кончины.

И тут, впервые в жизни ко мне пришло озарение, то, что японцы называют «сатори»; я понял, в чем выход.

– Николай Герасимович, простите меня, пожалуйста, если я скажу глупость, – медленно сказал я, – но, кажется, я знаю, что надо делать – нужно, в соответствии с базовым принципом айкидо «обратить силу противника против него самого».

Кузнецов удивленно смотрел на меня, но в его взгляде был и некоторый интерес.

– Армейцы хотят, чтобы флот обслуживал их интересы – хорошо, пусть так и будет – пока будет, – уточнил я, – промышленники не хотят загружать себя работой с тяжелыми кораблями – ладно! Сталин страстно любит тяжелые артиллерийские корабли – хорошо, будет ему парочка таковых, они же зародыш, большее мы пока не потянем, будущего сбалансированного, могущественного флота.

В глазах Кузнецова явственно читался вопрос: «А не переутомился ли адмирал Лазарев от трудов тяжких – может быть, следует показать товарища врачам или отправить в отпуск?»

Было ясно, что надо срочно пояснять свою мысль, иначе нарком утвердится в своих подозрениях.

– Говорят, что «генералы всегда готовятся к прошлой войне», – начал развернутые пояснения я, – так что наш генералитет будет ждать второго издания Великой Отечественной, только уже с американцами и их союзниками, на территории Западной Европы. При этом ключевым элементом снабжения противника станут трансатлантические конвои – большие потери, или даже разгром нескольких из них, поставят группировку англо-американцев в тяжелое положение, что станет лучшей возможной помощью со стороны флота армии. Однако немецкий опыт показывает, что одни подлодки с этой задачей справиться не могут – в конце войны немцы теряли больше лодок, чем топили транспортов. «Жирные годы» подводников крисмарине уже не повторятся – англо-американцы сейчас в полной мере осознали важность ПЛО, имеют наработанную тактику и опыт. Атомарины будут более успешны – но когда у СССР появится флот атомарин, противолодочная оборона также получит развитие.

Зато опыт Северного флота показал чрезвычайную эффективность взаимодействия надводных кораблей с эскадренной атомной подлодкой, что позволяло побеждать превосходящего противника при минимальных потерях с нашей стороны. И подобрать ключ к этой тактике американцам будет труднее – да, пока этот опыт односторонен, поскольку надводных кораблей крупнее эсминцев на СФ не было, однако же есть основания считать, что эффективность оперативных групп, включающих в себя авианесущие и тяжелые артиллерийские корабли, рабо-

тающие в связке с атомаринами, будет выше даже не в разы, а как минимум на порядок. Чему могут быть подтверждения – бой с немецко-французской эскадрой у Тулона и инцидент с американцами у Таранто.

В глазах Кузнецова загорелся огонек понимания.

– С учетом специфики операций в Северной Атлантике, в отрыве от наших баз, и наличия у вероятного противника мощнейших авианосных сил и огромного количества тяжелых артиллерийских кораблей, нашему флоту никак не обойтись без авианосцев и тяжелых артиллерийских (а позднее, ракетных) кораблей – иначе обеспечить боевую устойчивость оперативной группы невозможно. И ключевым пунктом, позволяющим осуществить контроль над Северной Атлантикой, является Исландия; та сторона, которая ею владеет, может либо с минимумом хлопот проводить конвои по коммуникационной линии США – Западная Европа, либо до предела затруднить проводку этих конвоев; во всяком случае, обречь их на тяжелейшие потери, как в 1941–1942 годах англичане при прорыве мимо Сицилии на Мальту, не говоря уже о том, что каждый конвой придется сопровождать линкорами и авианосцами – а даже у американцев не бесконечное количество кораблей основных классов, да и ресурс машин и механизмов конечен. Но для захвата Исландии необходимы сильные соединения морской пехоты, вместе с десантными судами специальной постройки; также, для надежного удержания контроля над Исландией и нанесения ударов по конвоям, необходима сильная базовая авиация, включающая в себя и тяжелые многомоторные бомбардировщики.

В общем, флот готов подчинить свои интересы интересам армии, – но для того, чтобы оказать армии по-настоящему действенную поддержку, морякам нужен соответствующий инструментарий, – закончил я изложение первого пункта.

– Армейцы прекрасно поймут, к чему вы клоните – все то же самое, но вид в профиль, – задумчиво сказал Кузнецов, – но наживка очень уж аппетитна, Михаил Петрович; могут они на это клюнуть, могут, в особенности, с учетом того, что это мнение адмирала Лазарева, не просто топившего немцев, но весьма посодействовавшего беспрепятственному проходу полярных конвоев с грузами для РККА. Абсолютно серьезно, Михаил Петрович, я ничуть не шучу. Вы являетесь самым уважаемым из наших адмиралов в Генштабе и наркомате обороны, к вашему мнению сухопутчики прислушаются куда охотнее, чем даже к моему, поскольку среди них весьма распространена точка зрения, что флот просто переводит средства, необходимые армии. Вопрос в том, как получить финансирование на все это, не обидев маршалов, – список того, что они считают необходимым, очень велик, а оборонный бюджет не настолько велик, как нам бы хотелось. Вы ведь, Михаил Петрович, под оперативной группой понимаете усовершенствованное оперативное соединение ВМС США?

– Да, – ответил я, – три-четыре тяжелых авианосца, ни в коем случае не легких, поскольку эра реактивной авиации на пороге, палуба должна быть «на вырост», и то «Эссексы» пошли в итоге на слом в семидесятых-восемидесятых, именно потому, что уже не подходили для новейших машин. Два быстроходных линкора или линейных крейсера, примерные аналоги «Айовы», может быть, с немного меньшим водоизмещением и 381-мм орудиями – на первых порах и «Ришелье» сойдет, если французам его не отдадим. Четыре тяжелых крейсера, с 203-мм или 220-мм орудиями – после появления у нас ПКР приемлемого качества можно будет переделать их в артиллерийско-ракетные крейсера, сняв одну или две башни. Силы ПВО – вот тут у меня сомнение, легкие крейсера с 100-мм или 130-мм универсальными автоматами (а после ЗРК), или крупные эсминцы, наподобие японского «Акицуки»? Противолодочный патруль, 15–20 эсминцев. И дивизион, четыре-пять атомарин. Хотя бы чисто торпедных – им еще в роли ПЛЮ работать, а «Воронеж» для таких маневров все же тяжеловат.

После начала новой войны в Европе оперативная группа Северного флота проводит десантное соединение в составе двух дивизий морской пехоты, двух армейских дивизий и частей усиления и обеспечения, из Мурманска (а лучше из Нарвика) в Рейкьявик, и способ-

ствуется высадке десанта; после захвата острова и, самое главное, авиабаз туда перелетает наша базовая авиация; Исландия становится передовой базой Северного флота, и для подводных лодок СФ, и как якорная стоянка оперативной группы.

Затем дальние разведчики начинают патрулирование Северной Атлантики с исландских аэродромов – и при обнаружении конвоя наводят на него ракетноносную авиацию, то есть тяжелые бомбардировщики с ПКР на борту – если в нашем мире, при всех сложностях, комплекс Ту-4К с КС-1 довели до серии в 1952 году, здесь, надеюсь, это удастся ускорить; далее, по результатам, либо наносится повторный удар, либо на конвой наводятся наши «волчьи стаи», либо и то и другое в комбинации, и еще выходит оперативная группа. Возможны самые разнообразные варианты, в зависимости от обстановки – и разгром конвоя вкупе с соединением прикрытия; и разгром конвоя при тяжелых потерях эскадры прикрытия, и бой с соединениями, посланными на подмогу конвою, – заранее что-то сказать невозможно, надо будет проработать все возможные варианты. Конечно, американцы сделают все возможное и невозможное, чтобы отбить Исландию – но, при сосредоточении там мощной авиационной группировки, оснащенной управляемым оружием, создании сильной системы ПВО, удержать остров будет вполне возможно.

– Финансирование, – заметил Кузнецов, – и производство. Это же были ваши слова, «хочешь разорить чужую страну, подари ей линкор»? Вы сказали это про послевоенный британский флот. Допустим, два быстроходных линкора у нас есть, «Страсбург» и «Ришелье», – буду стоять насмерть, но не отдам французам. Эсминцы – реально, построили же мы в вашей истории семьдесят штук «тип 30-бис», в самые ближайшие годы? Атомарины – тоже потянем. Крейсера – ну, тут можно поспорить, чем вам «проект 68-бис» плох? Если даже опыт тихоокеанской кампании этой войны не дал однозначного ответа, какое вооружение для крейсера эффективнее, дюжина 152 мм или восемь-девять 203 мм? При том что «легкие шестидюймовые» крейсера размерами, скоростью и броней могут даже превосходить «тяжелые восьмидюймовые». Но авианосцы? При том, что нам предстоят громадные затраты на восстановление народного хозяйства – тут не только армия, тут и другие наркоматы будут резко против! А главное – зачем? Если уже через десять лет массово пойдет управляемое ракетное оружие, и прежние артиллерийско-торпедные корабли сразу окажутся устаревшими?

– Положим, авианосцы как раз не устареют, – ответил я, – если с их палуб позже смогут взлетать реактивные, с ракетами. Атомарины – само собой. Эсминцы – я уже указывал на линейку модернизации «56-го проекта», от артиллерийско-торпедных, в БПК и ракетные корабли, с заменой орудийных башен на ПКР и ЗРК. Аналогично – можно сделать и с крейсерами. Что касается финансирования и производства, то у меня есть кое-какие мысли на этот счет – пусть и не со стопроцентными шансами на успех.

– Мне будет очень интересно с ними ознакомиться, – сказал Кузнецов.

– Если все получится с Германией, то мы получим в свое распоряжение немецкие верфи, вместе с их наработками, и определенные возможности вклиниться в поставки, осуществляемые в счет репараций, – продолжил развивать свою мысль я, видя как из взгляда Кузнецова уходит обреченность, сменяясь намеком на то, что дело его жизни все-таки удастся довести до победного финала. Строго говоря, немецкие стапеля, рассчитанные на сборку тяжелых кораблей, равно как и производственные мощности, созданные в расчете на реализацию плана «Z», никому особенно не нужны – сухопутчикам они вообще не нужны, поскольку их к выпуску чего-то сухопутного и авиационного не приспособить, нашему судостроению они тоже не слишком нужны, потому что перепрофилировать их долго и дорого. Немцы же будут счастливы, получив серьезный заказ, даже по себестоимости, в противном случае они оказываются без работы – ну а у нас то преимущество, что мы получим качественную продукцию.

– Ваше предложение небесспорно, Михаил Петрович, – мягко, явно не желая меня задеть, заметил Кузнецов, – у немецких кораблей хватает дефектов, взять хотя бы их котлы

высокого давления, или белогорячечный бред, каковым, по моему мнению, являются спаренные казематные установки 150-мм орудий на авианосцах типа «Цеппелин». Но и рационального в вашем предложении, несомненно, больше, хотя наши судостроители встанут на уши, доказывая, что нельзя обижать наш рабочий класс и у немцев «на рубль дороже».

– Николай Герасимович, если мне это будут доказывать, я им напому о заклепках из мягкой стали, которые ставили на «Советскую Белоруссию» первой закладки (это было – почему и пришлось перезакладывать корабль, в противном случае у линкора при спуске на воду просто отвалилось бы днище), – прямо сказал я, не желая играть в дипломатию, – и поинтересуюсь, не ущемляет ли самолюбие нашего рабочего класса производство такой продукции. А заодно напомните мне, в какую сумму обошлась перезакладка линкора?

– Михаил Петрович, если вы скажете такое нашим судостроителям, то навеки станете их смертельным врагом – и съедят вас при первой возможности, каковую возможность будут старательно создавать, – предупредил меня Кузнецов, – лучше будет не портить отношения с судостроителями сверх необходимого, а например, посочувствовать их положению, выразить понимание по части того, сколько новой работы свалилось на них в связи с тем, что по окончании войны приходится строить новый флот – и по причине предельной загрузки наших верфей, внести предложение разгрузить наших товарищей, заставив работать немцев. Понятно, что это тоже не пройдет для вас безнаказанно, но вы не будете для судопрома «врагом номер один», оставшись в разряде обычных недоброжелателей. И вообще, позволю себе дать вам добрый совет – срочно учитесь изощренному византийскому коварству, иначе вас мгновенно сотрут в порошок, и никакое заступничество не спасет.

– Спасибо вам за совет, Николай Герасимович, – искренне поблагодарил я, – буду учиться, хотя надеюсь, что мне это не понадобится.

– Михаил Петрович, хотите, я вам предскажу ваше ближайшее будущее, на манер цыганки-гадалки? – слегка улыбнувшись, предложил Кузнецов.

– Да, – напрягшись, согласился я, понимая, что за шутливым тоном нарком скрывает очень серьезные реалии.

– Итак, перво-наперво, Михаил Петрович, напишете вы доклад о начальном периоде войны на Тихом океане – хороший доклад, можно не сомневаться, я уже успел убедиться, что работаете вы на совесть, и никак иначе; Верховный похвалит за труды и, вторым делом, поручит вам разработать оптимальные варианты противодействия японцев американскому наступлению на Тихом океане, исходя из реалий «Рассвета» – вы и с этой работой справитесь на отлично с отличием (позже стало нормой выражение «на пять с плюсом», но детство и юность адмирала Кузнецова пришлись на времена, когда говорили именно так); ну, а третьим делом вас назначат руководить группой, которая станет разрабатывать морскую часть нашего наступления на Дальнем Востоке – ясное дело, вы и с этим управитесь; ну а потом придется сдавать вице-адмиралу Лазареву практический экзамен, суть которого заключается в том, чтобы напомнить самураям, что со времен Цусимы много чего поменялось – да так напомнить, чтобы они кровью умылись, – шутливый тон Кузнецова категорически не сочетался с выражением глаз – понятное дело, что командовать адмирал будет не родимой подлодкой, а всей группировкой разнородных сил флота на Дальнем Востоке, не знаю только, на посту комфлота или представителя Ставки ВГК по морским делам – первое и вероятнее, и предпочтительнее. Я уверен, что вы справитесь – я же, со своей стороны помогу вам всем, что в моих силах.

– Николай Герасимович, но я подводник, – ошарашенно сказал я, – и понятия не имею, как командовать разнородными силами.

– Михаил Петрович, я не буду изрекать банальности из серии «Не боги горшки обжигают», – доброжелательно улыбнулся Кузнецов, – давайте спокойно разберем, пусть в первом приближении, с чем вам придется столкнуться, командуя ТОФ – уверяю вас, это более чем вероятно. Итак, ключевая задача, исходя из реалий «Рассвета», это высадка десантов – на

Курилах и Южном Сахалине, в Корее, возможно, на Хоккайдо. Для этого следует обеспечить переход десантного соединения морем, подавить береговую оборону, и, собственно, высадить десант, обеспечив ему огневую поддержку и воздушное прикрытие. Еще возможна попытка японского надводного флота сорвать операцию – в этом случае следует нанести ему неприемлемые потери, не допустив самураев к зоне высадки. В вашем мире Юмашев так и просидел в глубокой обороне – самыми активно действующими кораблями стали минные заградители, тральщики, фрегаты ПЛО, «те, кого не жалко, даже если перетопят», причем их применяли совершенно неподобающе, например для артиллерийской поддержки десантов! Крейсера и эсминцы не выходили в море вообще, «за отсутствием задач» – если не считать того, что два эсминца использовались как быстроходные транспорты для доставки морской пехоты на Сахалин. Зато первым приказом с началом войны стала постановка минных заграждений, которые не нанесли противнику никакого вреда, но сильно стеснили наши действия.

Разберем подробнее состав наличных сил. Были легкие крейсера «Калинин» и «Каганович», с основным для проектов 26 и 26-бис дефектом – размещением всех стволов орудий ГК каждой башни в одной люлке, по итальянскому образцу, и, как следствие, огромное рассеивание; лидер «Тбилиси» и 10 эсминцев-«семерок» – не шедевры, конечно, но корабли неплохие; 11 подлодок типа Л, серии XI и XIII, весьма удачные, две лодки типа С, удачные ПЛ океанского класса, 37 «щук», тоже неплохих лодок, но они больше подходят для закрытых морей, чем для океанского театра, и 38 прибрежных «малюток». Ваши замечания, Михаил Петрович?

Ну что ж, играть так играть. Фигуры расставлены – партия началась.

– «Калинин» и «Каганович» неплохо подойдут для артиллерийской поддержки десанта – там максимальная скорострельность не обязательна, так что два залпа в минуту вместо проектных шести, в общем, будут терпимы; плюс приличные мореходность и дальность; броня, правда, не очень, – сказал я, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что мне предстоит командовать флотом – да я даже в мечтах не рассчитывал подняться выше командира дивизии ПЛ, так что эта мысль в голове укладывалась даже не плохо, а вообще никак – и помнится мне, однотипные «Киров», «Горький», «Ворошилов» и «Молотов» отлично себя показали при поддержке приморского фланга армии на Балтике, Черном море, да и в Средиземке во время операции «Ушаков». Хотя их будет явно недостаточно, особенно для высадки на Хоккайдо; «Тбилиси» и «семерки» – неплохо, но мало, и они нуждаются в серьезной модернизации, аналогично черноморским – резкое усиление ПВО. Нужно не меньше двадцати – двадцати пяти эсминцев. И то для Хоккайдо – на пределе. По ленд-лизу попробовать «флетчеры» получить? Подлодки – С и Л точно надо модернизировать по типу североморских, «щуки» – по возможности, от «малюток» толку не будет, так что и возиться нет смысла. В общем, для серьезной работы понадобится другой состав сил и средств.

– Какой именно, Михаил Петрович? – спокойно спросил нарком. – Не стесняйтесь. Все, что возможно выделить, у вас будет.

– Для артиллерийской поддержки десантов на Курилах как минимум понадобится «Шеер» – его 280-мм орудия гарантированно вынесут японские укрепления на Северных Курилах; хотя, конечно, перед отправкой на Дальний Восток его надо будет отремонтировать. С южными островами сложнее, там есть казематы, вырубленные в скалах, – так что там желателен калибр покрупнее, и, соответственно, более тяжелые снаряды; та же история с Хоккайдо, там есть серьезная противодесантная оборона, которую желательно давить орудиями линкоров, – невесело констатировал я, – беда в том, что у нас пока что в наличии лишь два современных линкора-«итальянца», со всеми их недостатками – очень малыми для Тихого океана мореходностью и дальностью, огромным рассеиванием снарядов ГК, полным отсутствием для них ремонтной базы во Владивостоке; мало этого, нет никаких гарантий, что с ними не будет больших проблем при переходе со Средиземного моря на Тихий океан, поскольку это классические линкоры «средиземноморского типа». Гнать на Тихий океан старые «Севастополи»

смысла нет – не факт, что вообще дотащим эти раритеты, а если и доведем, ремонтная база для них там отсутствует, «Дальзавод» сейчас с трудом один легкий крейсер потянет, не больше. Да и если и приведем их туда и как-то умудримся поддерживать их в боеспособном состоянии, то такой уж принципиальной разницы между 280-мм «Шеера» и 305-мм «Севастополей» нет.

Вообще, с тем, что у нас сейчас есть, я имею в виду корабельный состав, на многое заманиваться глупо. Взять те же «семерки» – да, у них великолепная артиллерия ГК, хорошее торпедное вооружение, высокая скорость – но слишком слабое ПВО, невысокие мореходность и дальность, не самые удачные корпуса и машины. Для внутренних морей терпимо, для Тихого океана – будет сильно мешать! С ходу могу сказать, что надо будет выколачивать у янки 40-мм «бофорсы», не менее 12 стволов на эсминец, плюс резерв, и непременно с МПУАЗО – демонтировать к чертовой бабушке наши зенитные 37-мм МЗА и крупнокалиберные пулеметы – и ставить «бофорсы» на освободившееся место. Сложнее с 76-мм – черноморцы демонтировали, и в итоге не могли достать «юнкерсы» на подходе, на большой высоте, пока они в пике не войдут. Такая же операция понадобится с легкими крейсерами – 85-мм зенитки придется оставить, а 37-мм МЗА и 12,7-мм пулеметы долой, «бофорсов» понадобится штук сорок на крейсер плюс пару десятков «эрликонов».

Если не удастся от американцев корабли получить, очень надеюсь на итальянские и немецкие трофеи – поскольку позарез нужны эсминцы, а наши, и «семерки», и «семерки-у», что на Балтике, что на Севере, что на Черном море, до предела изношены, кроме того, их на всех трех флотах осталось 18 штук в строю, и еще в ремонте что-то. Очень нужна хотя бы пара тяжелых крейсеров, за неимением лучшего придется радоваться итальянским, если таковые будут. Вообще нет десантного тоннажа – тут, или ленд-лиз, или придется довольствоваться немецкими БДБ, благо у них есть и танко-десантный вариант, и вариант огневой поддержки – сразу скажу, с учетом дальневосточной специфики, с ее сильнопересеченной местностью, придется дополнительно подкреплять палубу, снимать 88- или 105-мм пушки, а вместо них ставить наши родные 152,4-мм гаубицы-пушки МЛ-20 или гаубицы Д-1, благо они на максимальном угле возвышения и минимальном заряде работают почти как сверхтяжелый миномет; кроме того, нужен будет вариант с направляющими для РС-132. Еще нужны будут водоизмещающие торпедные катера с хорошей мореходностью и большой дальностью – альтернативы немецким «шнелльботам» я в настоящий момент не вижу; и их тоже понадобится много – уже можно дать заказ в ГДР, благо эти кораблики в пустом виде по железной дороге перевозятся, вот только срочно озаботиться установкой на них радаров и повышением огневой мощности, два 20-мм автомата это мало! Транспортный тоннаж – если американцы с их опытом считают на каждого десантника не менее 5 тонн груза, для 100-тысячной группировки на Хоккайдо понадобится полмиллиона тонн. Нужна будет сильная морская пехота – не менее двух дивизий, причем сформированных не по нашим обычным штатам, а согласно предложениям контр-адмирала Большакова, развивавшего идеи этого американца, майора Эллиса – усиленных артиллерией большой мощности на мехтяге. Полагаю оптимальным вариантом немецкие 210-мм мортиры, это позволит брать японские укрепления быстро и с минимальными потерями. И жизненно необходим будет отечественный аналог американских «Морских пчел» – инженерно-строительные части морской пехоты, натренированные на быстрое возведение полевых укреплений и, особенно, аэродромов на захваченных островах. И конечно, очень мощная авиационная группировка – в особенности если не оправдаются наши надежды на ленд-лизовские и трофейные корабли. По первой прикидке, нам понадобятся Р-63 «Кинг-кобра», Ил-2 или Ил-10, Ту-2, Хе-177 – и, очень быгодились Р-38 «Лайтнинг» и В-17 или В-24.

– Какой-то у вас не очень патриотичный выбор, Михаил Петрович, – мягко улыбнулся Кузнецов, явственно намекая на будущие доносы недоброжелателей.

– Выбор обусловлен условиями применения – нужны скоростные, надежные самолеты, с большой дальностью, хорошей бронезащитой, мощным вооружением и большой бомбовой нагрузкой, – пожал плечами я, – по-моему, патриотизм заключается не в слепом поклонении всему отечественному, каким бы оно ни было, а в использовании на пользу Отечеству всего, что возможно использовать – и как минимум глупо, если не преступно, не использовать удачную иностранную технику. И в статуте ордена Отечественной войны есть положение о награждении экипажа, захватившего и приведшего в базу вражеский корабль или транспорт – так что, если следовать «логическим» построениям ура-патриотов, то Верховного Главнокомандующего следует обвинить в «низкопоклонстве перед Западом» – захватили и использовали на пользу Родине, а не потопили? А кем тогда является Петр Великий, после Полтавы пировавший с пленными шведскими генералами и пивший за их здоровье – Пушкин ведь не придумал «И за учителей своих заздравный кубок поднимает», это было на самом деле. Ну а раз великий император, создатель Российской империи, не считал ниже своего достоинства учиться у злейших врагов России того времени – шведов, то нам, грешным, тем более не зазорно учиться у сильнейшего флота мира – американского – воевать на море, с тем, чтобы победить его.

– Михаил Петрович, у меня есть два вопроса, – сказал нарком, – как вы собираетесь бороться с японским флотом, если самураи отправят в бой мощное соединение? И как вы собираетесь обходиться без главного калибра линкоров, обеспечивая высадку десантов на сильно укрепленное побережье?

– По первому вопросу, Николай Герасимович, – летом 1942 года мы передали в наркомат подборку материалов по высокоточному оружию 40–50-х годов, в том числе по немецкой управляемой авиабомбе Fx-1400, она же «Фриц-X», с вариантами наведения по радиоканалу и по проводам, и по японской самонаводящейся бомбе «Ке-го», с инфракрасной ГСН. Могу ли я спросить, как обстоят с ними дела? – спросил я. Также я бы хотел спросить про кислородные авиаторпеды с головками самонаведения?

– С «Фрицем» справились – точнее, с тем вариантом, который вы рекомендовали как более простой, надежный и технологичный – с наведением по проводам, – ответил Кузнецов, – он сейчас серийно производится, на складах накоплено свыше тысячи единиц, а первая авиадивизия Ракова сейчас осваивает бомбометание этим боеприпасом, один полк переоборудованных под эту бомбу Ту-2 уже вышел на результат в 20 % попаданий учебным боеприпасом по цели типа линкор/линейный крейсер/тяжелый авианосец с высоты в 5000 м, второй обучается. С «Ке-го» сложнее – осваиваем технологии, необходимые для серийного производства ГСН, доводим оперение авиабомбы. Пока что удалось добиться 15 % попаданий в плот с костром, имитирующий эсминец⁹. Инженеры клянутся, что за полгода доведут ГСН и оперение до уровня, обеспечивающего 20–25 % попаданий на высотах до 2000 м, с использованием обычного бомбардировочного прицела. Кислородные авиаторпеды пока не вышли даже на предсерийный образец – тут пока особых успехов не ожидается.

– Вот и ответ на ваш первый вопрос, Николай Герасимович, – спокойно ответил я, – «Фрицы» против тяжелобронированных целей, от тяжелого крейсера и выше – замечу, что при 20 % вероятности попадания, при том, что для вывода из строя или потопления тяжелого корабля считать 10 попавших в цель бомб, 200 бомб, скорее всего, хватит на все оставшиеся к лету 1945 года тяжелые корабли Императорского флота; «Ке-го» – для эсминцев, легких крейсеров, торгового тоннажа – полагаю, что даже одиночного попадания 800-кг бомбы, снаряженной 500 кг ВВ, хватит для вывода корабля из строя, а трех попаданий для его потопления. Что касается вашего второго вопроса – тот же «Фриц» можно сделать с бетонобойной БЧ, или, если

⁹ В РеИ весной 1945 года японцам удалось добиться 5 или 6 попаданий из 50 в плот с костром, имитирующий тепловое излучение судна водоизмещением в 1000 т – ГСН работала надежно, обеспечивая засечку судна на высотах до 2 000 м, проблема была с оперением бомбы.

у нас решили вопрос с производством специальной взрывчатки для боеприпасов объемного взрыва – для взлома сильно укрепленной обороны это еще лучше.

– А вы говорите, Михаил Петрович, что это вам не по силам, – мягко укорил меня Кузнецов, – сами видите, вы сделали вполне приличный первоначальный набросок сил и средств, необходимых для этих операций. А как вы вообще видите этот комплекс операций, разумеется, в первом приближении?

– Северные Курилы надо будет брать группировкой, базирующейся на Петропавловск-Камчатский, – ответил я, – десант в Корсаков, я пока не знаю, откуда лучше будет высаживать; дальше надо будет действовать по американской методике «шаг за шагом», продвигаясь на юг по цепочке Курил, высаживаясь на один курильский остров за другим, отстоящий друг от друга на 100–150 миль, и быстро строя там аэродромы, чтобы десантное соединение и эскадра прикрытия все время находились под «зонтиком» базовой авиации, раз у нас пока нет авианосного соединения. А после захвата островов Южных Курил и сосредоточения там нашей группировки можно будет готовить десант на Хоккайдо.

– Очень хорошая идея, – подбодрил меня Кузнецов, – конечно, прорабатывать ее надо будет по окончании войны в Европе, когда прояснится вопрос с трофеями, но вариант рабочий, Михаил Петрович, не сомневайтесь. У меня к вам остался один вопрос последний. Вы беретесь?

– Да, – ответил я, глядя в глаза Николаю Герасимовичу.

Кузнецов резко встал, подошел к книжному шкафу, достал с полки бутылку коньяка, две рюмки и плитку шоколада, поставил все это на стол, точными движениями разлил коньяк по рюмкам, разломал шоколад – и произнес тост: «За Флот!»

– За Флот, – повторил я, чокаясь с создателем советского флота, скрепляя тем самым вступление в его команду – команду, членом которой я был с того момента – и на всю оставшуюся жизнь.

...и снова мне послышался смешок, где-то за гранью. Да пошел ты в свое пекло, рогатый – если ты существуешь иначе, чем игрой моего воображения!

П. Тольятти. История итальянской революции. 1953, русское издание. М., 1955

В июле 1944 года Италия формально еще оставалась единой. Однако будущий раскол уже проявился отчетливо: при том, что столицей считался Рим, органы власти Народной Италии находились в Милане, а «администрация» дона Кало в Неаполе. Отношения между Севером и Югом были больше похожи на враждебные государства – коммунисты, бывшие в Народной Италии одной из главных политических сил, жестоко преследовались югоитальянским режимом. В то время отдельные лица, бывшие прислужниками Муссолини, занимали на Юге посты во власти – что было категорически невозможно на Севере. Одна лишь Церковь признавалась по всей Италии за авторитет.

Муниципальные выборы июля 1944 года были чертой, после которой возврат к прежнему стал невозможен. Всего лишь выборы городских коммун – но ясно было, что победители станут ведущей политической силой Италии... единой или каждой из двух по отдельности? Ответ на этот вопрос тогда еще не был очевиден. Многим казалось, что единство в этом вопросе сохранит единство страны.

Основных политических партий было пять: ИКП, социалисты, христианско-демократическая, христианско-консервативная (обе последние объединяли буржуазию и аристократию антифашистского толка, ХДП была за республику, ХКП склонялась к возвращению монархии), и Партия национального прогресса дона Кало (на Севере имеющая очень слабое влияние – однако же ее кандидаты участвовали в выборах в отдельных коммунах). Церковь не была представлена непосредственно, но очень многие представители партий (включая ИКП) считали себя католиками. В то же время именно Ватикан приложил основные усилия, чтобы выборы вообще были организованы и проведены с должным порядком, в одинаковые сроки.

На Севере все прошло мирно и празднично. Как и следовало ожидать, в большинстве коммун победили коммунисты в блоке с социалистами, но их власть никоим образом не была монопольной, в городские советы везде прошли и кандидаты от других партий. Никакого военного положения не вводилось, Корпус народных карабинеров лишь обеспечивал порядок и охрану избирательных участков, Народная Армия, а тем более советские войска не выводились из казарм – а появившиеся в ряде западных газет фотографии русских танков на улицах, как оказалось, были сделаны раньше, еще во время войны. Выборы были похожи на карнавал – с цветами, музыкой и смехом. Единичные случаи провокаций быстро пресекались карабинами, а иногда даже просто народом.

На юге же происходило что-то ужасное. Предвыборная кампания была до предела грязной – лозунги ПНП по отношению к политическим противникам напоминали антисемитские призывы гитлеровского Рейха. Кандидаты от прочих партий подвергались угрозам и избиениям со стороны «неустановленных личностей»; в целом ряде случаев им просто не давали зарегистрироваться – или же, когда это все же удавалось сделать, представители ПНП проходили как «единственные кандидаты». Исчезали списки для голосования из избирательных участков, счетчиков голосов запугивали и избивали, в последнюю минуту вводились новые правила, о которых ставили в известность только кандидатов от ПНП – а когда шел подсчет голосов, наблюдателей от оппозиционных партий и Церкви не допускали в места счета самыми разными методами, наиболее нейтральным из которых был комендантский час, произвольно устанавливаемый жандармерией дона Кало – причем на улицы, для надзора за порядком, были выведены и американские оккупационные войска с бронетехникой.

Результат был легко предсказуем. Если на Сицилии и в Калабрии власть дона Кало успела укрепиться, то в Кампании, Апулии и Молизе, где из всех южных областей влияние коммуни-

стов было сильнее всего, и еще оставались неразоруженные партизанские отряды, тяготеющие к ИКП, вспыхнули беспорядки. В ответ банды головорезов ПНП при поддержке жандармерии, а иногда и американских солдат, зверствовали не хуже эсэсовцев Достлера – убивали, грабили, насиловали, сжигали дома. В этой ситуации американское оккупационное командование проявляло олимпийское спокойствие. Как и газеты Англии и США, которые в большинстве «не замечали» бесчинств, зато писали хвалебные статьи о развитии итальянской демократии.

После чего стало окончательно ясно – Север и Юг не уживутся в одном государстве, по крайней мере, при сохранении существующих политических сил. И демаркационная линия на годы стала государственной границей.

«Демократия по-сицилийски», карикатура Кукрыниксов в «Правде», 20 июля 1944 года

Дон Кало (толстяк с сигарой), сидя в автомобиле (за рулем американский солдат), принимает доклад увешанных оружием громил самого бандитского вида. На заднем плане видны горящие дома и трупы.

– Ваша предвыборная кампания проведена успешно! Кто проголосует не так, может сразу заказывать себе гроб!

Лючия Смоленцева (Винченцо)

Мадонна, как хорошо, что я не послушалась мудрую тетюшку Софию, которая в ожидании тревожных событий звала меня приехать к ней в Неаполь – а послушала брата Марио, сказавшего что для приличной девушки лучшее место там, куда немцы не доберутся, партизанский край вблизи Альп! Мне страшно сейчас представить, что я бы не встретила моего рыцаря, самого лучшего из всех мужчин на земле, да все те, за кого меня пытались сосватать, вместе взятые, не стоят и его мизинца – о, мадонна, я все не могу поверить, что сейчас он мой законный супруг, и сам папа венчал нас в соборе Святого Петра, как королевских особ! Я бы не стала участницей самых захватывающих событий, как поимка самого главного врага рода человеческого, Адольфа Гитлера, объявленного самим папой «воплощением нечистого на Земле», не попала бы в русский «спецназ», где мой рыцарь учил меня драться, стрелять, нырять с аквалангом, вот только с парашютом прыгнуть он мне категорически не разрешил. Знакомства с какими людьми я удостоилась – и с его святейшеством папой, вручившем ордена Святого Сильвестра мне и моему рыцарю, и с русским Вождем Сталиным, лично одоббившим наш брак, по просьбе папы, или его посланца, достойного отца Серджио – наверное, после он просто хотел взглянуть на меня, иначе зачем бы ему приглашать на аудиенцию не только адмирала Лазарева и Анну, но и меня, не имеющую еще никаких заслуг перед собственно Советским Союзом? Ведь там, в поезде Гитлера, я, к стыду своему, не только не помогла моему рыцарю, но и его из-за меня чуть не убила эта немецкая дрянь, а после я могла умереть и сама, ну зачем я, забыв все, чему меня учили, полезла в рукопашную, надо было сучку просто пристрелить! Ну а в Киеве я всего лишь делала то, что мне говорила Анна – и ее заслуга намного больше моей! Но Фортуна улыбнулась – и вот, «самая знаменитая из женщин Италии, живой символ Красных Гарибальдийских бригад, жена дважды Героя Смоленцева (а для меня всегда – просто мой рыцарь, мой кавальери)», да еще и русский орден, мне! И теперь вот мой долг быть там же, где муж – однако же его послали снова на Украину (неужели мерзавца Василя Кука ловить?), а мне приказано пока состоять при Анне, в роли ее помощницы и адъютанта. «И никакого фронта – пока не родишь», так сказал мне мой рыцарь, и воля его была непреклонной¹⁰.

А ведь все могло быть иначе. И взял бы меня замуж, даже не спрашивая моего согласия, какой-нибудь сицилийский лавочник! Глупые южане, когда я была еще в Италии, попадали к нам их газетенки, а пару раз и с приехавшими оттуда довелось говорить – так они убеждены, что тут на севере ужасные русские ведут себя, как дикие гунны-завоеватели, убивают за косой взгляд, грабят открыто, забирая все, что понравится, ни одна женщина не может выйти из дома без риска подвергнуться насилию – и это еще лишь предвестие Большой Беды, когда русские всех загонят в «колхозы» и заставят работать, как римских рабов! Как мы смеялись, читая и слушая этот бред, – те, кто сражались с этими русскими плечом к плечу, против отродий дьявола! Интересно, это правда, что самые одержимые из нацистов перестают быть людьми даже физически – под кожей у них зеленая змеиная чешуя, под маской лица звериная морда, как на известном русском плакате? Слышала, что во Второй гарибальдийской даже решили проверить – поймав какого-то эсэсовца, содрали с него кожу, как во времена инквизиции, чешуи не нашли, может еще не успел обратиться?

Так я свидетельствую – русские это никакие не варвары, а очень приличные люди! Своей эмоциональностью и непосредственностью они похожи на нас – в отличие от чопорных англичан и машиноподобных немцев – и смотрят на нас, как на боевых товарищей, равных себе! А как можно своего товарища, которого искренне уважаешь – убить, ограбить, обидеть его жену,

¹⁰ См. «Врата Победы» и «Союз Нерушимый».

сестру или дочь? Слышала, что были отдельные, очень редкие случаи – что поделать, люди не ангелы – но всегда это вызывало самое суровое осуждение у русского же командования и властей; никак не сравнить с немецким разбоем, когда отродья сатаны совершали свои гнусные преступления совершенно открыто, толпой, и этим гордись! Знаю, что не все немцы такие, и побежденная Германия вроде как союзник русских, но в Италии еще долго сохранится память о нации воров, разбойников и убийц, учинивших в нашем прекрасном Риме дикие бесчинства, и пройдут, наверное, века, прежде чем мы это забудем. А русские никогда не были нам врагом!

Так вот, эти южане... Это надо совсем ума не иметь, чтобы голосовать за бандитов! Знаю, что формально в Южной Италии гражданскую власть осуществляет какой-то «временный» комитет, или администрация – но всем известно, что реально на Юге все решает дон Кало и его покровители в Америке. А муниципальными выборами вы сами посадили себе на шею людей этого мерзавца, может даже не все они члены мафии, но слушают дона Кало, получают от него подачки и делают все, что он велит. Знаю, с какой «честностью» эти выборы проводились, в русских газетах уже выражение появилось, «демократия по-сицилийски», – но вот убеждена, что одним жульничеством не обошлось, был и глупый страх южан перед ужасными русскими, которые если придут, то всех перережут, а кого пощадят, то загонят в колхозы! Ведь у дона Кало не так много верных ему собственно сицилийских бандитов – вся «жандармерия» Югоиталии, как и младшие члены банд, это в большинстве бывшие солдаты королевской армии, дезертировавшие или капитулировавшие! А как же американцы, спросите вы – так ведь, насколько мне известно, они брезгливо отодвигались от грязных дел, не желая портить репутацию «освободителей», вряд ли бы они стали открыто воевать не с отдельными «нарушителями порядка», а со всем итальянским народом?

Анна, слушавшая мою гневную речь, сказала:

– А ты хотела бы, чтобы это услышала Италия? Если, как сказал отец Серджио, ты сейчас «самая знаменитая из итальянок», и твоим именем чаще всего называют новорожденных девочек, не только на Севере, но и на Юге?

Конечно, хотела бы – но разве это возможно?

– Люсенька, ну ты просто меня удивляешь! Если это нужно, не только Народной Италии, но и СССР?

Я еще недостаточно разбираюсь в русской иерархии. Если Анна Лазарева, инструктор ЦК, как это перевести на итальянский? А ее начальник, Пономаренко, член Политбюро, это вроде министра? Хотя нет, русские министры называются «наркомы». Как бы то ни было, уже через два дня меня пригласили в радиостудию. Я ужасно нервничала, но мне сказали, что мой голос не пойдет сразу в эфир, а будет записан на особый аппарат, «магнитофон», можно послушать, и если не понравится, повторить.

– Да ты не бойся, – ободрила меня Анна, поехавшая со мной, – представь, что перед тобой толпа народа, кому ты хочешь сказать. А ты сейчас, без шуток, национальная героиня Италии – многих ли у вас венчал сам папа, в соборе Святого Петра?

И я сказала! Сначала правду о русских и о России – а затем про дона Кало, его прислужников и всех прочих, кто лижет ему зад и сапоги – не стесняясь в выражениях, о мадонна, прости мне грех сквернословия, но я всего лишь назвала мразь теми словами, которых она заслуживает! Я не из благородных дам, которые называют отхожее место кабинетом задумчивости – и разве это грех, что я во всеуслышание заявила, само имя этого сицилийского головореза по-русски звучало бы как дон Дерьмо, ну а по-латыни, дон Задница?! Присутствующий товарищ в штатском, переводчик с итальянского, выразил было сомнение, можно ли так называть первых лиц государства, с которым СССР все же не находится в состоянии войны. На что Лазарева ответила – а какой официальный пост занимает дон Кало, разве он король, президент, премьер? И эти мои слова остались – но все же, о мадонна, я никак не думала, что прозвище, данное мной для главного итальянского бандита, подхватит вся Италия, и Север, и Юг!

– Ты не боишься, что мафия тебя заочно приговорит, как меня ОУН? – после спросила Анна. – Я слышала, что сицилийские доны очень щепетильны во всем, что касается их авторитета.

Я лишь рассмеялась. Хотела бы я взглянуть, как сицилийцы явятся за мной в Россию?! Так что пусть выносят любой приговор – мне все равно! Хотя – они же моим родным будут мстить!

– Не бойся, – сказала Анна, – римские товарищи за твоим Марио и всеми прочими проследят, прикроют. Ну а когда ты все же решишь посетить Италию – будь осторожна!

Ой, когда это еще будет? После отъезда моего рыцаря на войну – мадонна, только бы с ним ничего не случилось! – мне было тягостно оставаться в гостинице одной. Скучать не приходилось – вместе с отцом Серджио я встречалась с гарибальдицами, участниками Парада Победы, эти brave парни смотрели на меня, как на богиню, и готовы были носить на руках! Затем, опять же вместе со святым отцом и какими-то русскими чиновниками, я осматривала собор на Грузинской улице, возвращаемый Католической Церкви. И конечно, я часто составляла компанию Анне, обычно мы вместе обедали, один раз вечером ходили в театр, но я понимала, что ей тоже хочется побыть наедине с любимым мужем, а кроме того, у нее были и какие-то секреты, к которым я не была допущена – тогда я впервые услышала слово «Рассвет», еще не зная, что оно означает. И вот наконец мы летим из Москвы куда-то далеко, на север – признаюсь, мне было немножко страшно, ведь в Риме почти не бывает морозов и очень редко выпадает снег!

В день нашего отлета погода резко испортилась, если раньше было солнечно и ясно (ну кроме того дня, когда мы попали в грозу), то теперь с утра лил дождь и дул сильный ветер. Лазарева с мужем заехали за мной, по пути на аэродром, и когда я спешила от дверей отеля к их машине, у меня вывернуло зонт и едва не унесло шляпу. Автомобиль был комфортабельный лимузин марки ЗИС, в отличие от армейского вездехода, на котором неделю назад уезжал мой Юрий с друзьями. Рядом с шофером сидел офицер, адъютант или для охраны, он вышел и помог мне впихнуть внутрь чемодан – весьма любезно, поскольку мой зонтик снова выгнуло тюльпаном, я отчаянно пыталась его сложить, что было непросто на таком ветру.

– Ветер, ветер, на всем белом свете, – сказала Анна, когда я наконец уселась рядом, – и никак от него не укрыться, в отличие от дождя и холода, остается лишь терпеть, относясь философски, когда он нас треплет.

Лазарева была в легком плаще без рукавов (такой же был на мне), и в том же платье, что в Киеве, черный горошек на желтом фоне. Шляпка ее лежала на коленях, прическа была в ветреном беспорядке, но это совершенно не мешало моей лучшей подруге выглядеть, как королеве, – впрочем, все счастливые женщины красивы, а ведь Анна летела вместе со своим мужем, в отличие от меня. О, мадонна, когда я выходила замуж, то думала, что теперь мы навеки будем вместе, пока смерть не разлучит нас, но это случится очень нескоро! И вот, мой рыцарь снова где-то, и это правильно, ему же воевать надо – хотела бы я иметь мужа всегда под боком, вышла бы за того лавочника, приятеля отца, даже не помню, как его звали, Паоло или Паскуале? Но я получила мужа-воина, а с ним и целый мир, намного более яркий, богатый и интересный – вот только как мне найти свое место в нем? Я смотрела на московские улицы, омываемые дождем, а из приемника слышалась песня:

Ты никогда не бывал в нашем городе светлом,
Над вечерней рекой не мечтал до зари,
С друзьями ты не бродил по широким проспектам,
Значит, ты не видал лучший город Земли!

Да, я считаю себя римлянкой, хотя родилась в деревне, а в Вечный город попала уже десяти лет от роду! Но я успела искренне полюбить и русскую столицу, за лучшие в своей жизни дни, проведенные здесь, с моим рыцарем, моим мужем. И помню, что именно советские спасли Рим, как и всю Европу, от нашествия черного воинства сатаны-Гитлера! Да, Рим велик, но древность тянет его уже к закату. А СССР и так великая и огромная страна, и ведь еще на подъеме! Раньше первой державой была Британия, Рейх попробовал, но надорвался, Америка еще претендует – но мне-то ясно, кто будет самым сильным в мире здесь лет через тридцать, сорок, и ведь я это увижу, будучи среди лучших людей этой страны (если уж у советских нет понятия «дворянство»).

– Люсенька, ну ты и свою Италию тоже не забывай! – сказала Анна. – Вот представляю, как ты меня по Риму своему водишь, и все показываешь! Хотелось бы приехать когда-нибудь, и не так, как в Киев тогда, а просто посмотреть.

– Конечно! – ответила я. – Отдохнуть приедем, когда всех врагов победим. И родня моя вас принять будет рада!

Мы шли к самолету под ветром и дождем. Анна и я были налегке – наши чемоданы тащил провожающий офицер – и нас едва не уносило порывами (а я еще была на неустойчивых каблуках); мы даже нагибались, чтобы легче идти, с трудом удерживали зонтики, рвущиеся из рук, а также шляпки, полы и подолы, наши тонкие плащи трепало и продувало насквозь, хорошо было адмиралу и его адъютанту, в кожаных регланах «по-штормовому»! Дождь тоже усиливался, хлестал навстречу, как мне показалось, не каплями, а целыми струями – однако же я решила закрыть зонт, в уверенности, что сейчас он улетит в небо, и хорошо, если не вместе со мной! Лазарева, увидев, сказала:

– Люся, ты что? Вымокнешь, а тебе простужаться и болеть нельзя никак!

Она прикрыла меня краем своего большого зонта и улыбнулась, чтобы подбодрить – а ведь непогода доставляла ей не меньше беспокойства, чем мне! Мадонна, ну отчего Анна не моя старшая сестра, как я хотела бы этого! Наконец мы, немного все же промокшие, заняли места в самолете. Было еще с десятков пассажиров, военных и штатских (насколько я поняла, гражданские авиаперевозки у русских пока не по свободно продающимся билетам, а лишь для тех, кто следует за казенный счет по служебным делам), кто-то громко усомнился, безопасно ли лететь сейчас? На что из кабины вышел командир, в военной форме, с погонами майора, и заявил:

– Не беспокойтесь, до того как нас в ГВФ передали, мы в дальней авиации год отработали. Летали немцев бомбить, или ночью, или как раз в такую погоду – и как видите, все нормально. Машина еще крепкая, войны нет. И не зима, когда в метель в сотне метров ничего не видно!

Анна не отходила от своего адмирала, ну а я ловила на себе взгляды пассажиров-мужчин, и не скрою, мне это было приятно, но не более того, я своему герою-рыцарю отдана и буду верна до смерти – а то мадонна от меня отвернется! Лазарева любезно уступила мне место у иллюминатора – когда мы над тучами поднялись, вид такой красивый, как горы под нами! Затем я подумала, если здесь такая погода, в середине лета, что же нас ждет там, куда мы летим, в одних легоньких плащах поверх шелковых платьев, там, наверное, меховая одежда нужна? Анна рассмеялась в ответ.

– Ты думаешь, раз север, то всегда мороз? Мы там загореть успеем, под незаходящим солнцем! Тебе еще зонтик понадобится, если захочешь «аристократическую бледность» сохранить.

Наконец прилетели. И это холодный русский север, про который мне столько страшного рассказывали? Солнце печет жарче, чем в Киеве, я даже плащ скинула – хотя Анна сказала, что после на воде прохладно будет, мы по морю поплывем? Нас уже ждала машина, открытый военный джип с солдатом за рулем, пока мы ехали, я по сторонам смотрела с любопытством. Нет, знала я, конечно, что никаких белых медведей по улицам тут не бегает, но все же... Уди-

вило, что большинство домов было из дерева, причем из цельных бревен, еще более странными показались деревянные тротуары, – а так в Архангельске тоже есть зеленые скверы и бульвары, и люди одеты по-летнему, а не в меха. И еще, странно, что солнце так высоко, хотя время уже позднее.

– Люся, ты разве забыла, что я тебе рассказывала про белые ночи? Они и в Ленинграде бывают – а здесь так вообще... Зато зимой день почти незаметен. Но тут еще не Заполярье, солнце за горизонт не уходит на целые сутки.

Нас привезли в военный порт, где уже ждал катер, немецкий «шнелльбот», как сказала Лазарева, «возможно, тот самый, что твой муж со товарищи на абордаж брали в сорок втором». О мадонна, мой герой и тут отличился? Матросы помогли погрузить наш багаж, сумка и чемодан у меня, и столько же у Анны и адмирала на двоих. Мне предложили посидеть в маленькой каюте, но я воспротивилась, увидев, что Анна с мужем собираются быть на палубе, или даже на мостике. И не пожалела об этом!

– Люся, тогда шляпу сними – улетит! И повяжи что-нибудь на голову, как я, или будешь растрепана до полного безобразия. И застегнись, а то продует.

Это было незабываемо! Катер несся вперед, ревели моторы, волны расходились в стороны, встречный ветер бил в лицо с такой силой, что перехватывало дыхание – а я, вцепившись в поручень, или как моряки называют, леер, испытывала дикий восторг, словно от полета над землей к небу! Как тогда над Москвой-рекой – лишь моего кавальери, моего мужа не хватало, чтобы он поддерживал меня и обнимал. Море открылось вдали, простор, и не холодно совсем, несмотря на ветер, плащ на мне вздувало парусом, выше головы, косынки с меня и Анны очень скоро сорвало и унесло в море! И не жалко – Лазаревой платок совершенно не к лицу, мне тоже шляпка идет больше, но здесь нельзя и думать ее надеть. Я пыталась прикрыть прическу ладонями, это было бесполезно!

– Все равно растреплет, – улыбнулась Анна, – сколько раз я по службе моталась на этом же катере, то в Архангельск, то назад на Севмаш. И летом, если не в каюте, а наверху – всегда была после как косматая баба-яга! Даже думала постричься коротко, чтобы не путались и в глаза не лезли, но Михаил Петрович решительно против.

Ветер неистово трепал на нас одежду и волосы, но скоро мы, смирившись с этим и привыкнув, перестали замечать, глядя на дикую природу вокруг. Дома, даже когда я ныряла с аквалангом, до берега было гораздо ближе – и это был обжитой берег, а не тундра без следов жилья! Но ведь лучше прожить с любимым человеком где угодно, чем с кем попало, в родной деревне? А затем я увидела город, и большой завод, на вид не уступающий морскому арсеналу в Специи – катер повернул к берегу и сбавил ход, ветер наконец притих, и можно было привести себя в порядок. У причала стояла та самая, большая русская подлодка, мы пришвартовались рядом с ней. Нас встречали на берегу – и русские морские офицеры, и какие-то штатские... и женщины, одетые, как я и Анна, в таких же разлетающихся на ветру плащах, и платьях с юбками-клеш. Это и есть команда Лазаревой, русские воительницы? А сумею ли я заслужить их уважение, чтобы они стали подругами и мне?

– Собирайся, Люся, – сказала Анна, уже в шляпке и с сумкой на плече, – познакомлю тебя с девчонками.

Это ведь место, которое мой муж считал своим домом? Ну значит, здесь мне и следует быть. И ждать, когда он вернется с победой. Мне тяжело, что он где-то вдали – но рыцарю и должно идти на войну, когда на границе неспокойно. Он вернется, я знаю – что ему какие-то украинские бандиты?

Но все же, мадонна, сделай, чтобы он вернулся ко мне скоро, живым и здоровым! Ведь если с ним что-нибудь случится, я этого не переживу!

Генерал-полковник авиации В.И. Раков. «Крылья над морем», алыт-ист, Ленинград, 1969. Глава «Подготовка к возмездию»

Для нас война с самураями началась в конце 1943 года, когда наша 1-я гвардейская морская авиадивизия РГК во время тренировок на Ладоге отрабатывала варианты нанесения ударов по авианосно-линейным соединениям Императорского флота. Поначалу мы считали условностью, что баржи, изображающие мишени, согласно вводной обозначались как «линкеры типа Ямато и авианосцы тип Унрю». Но в новом пополнении, в декабре, к нам пришли не выпускники летных училищ, а пилоты ВВС ТОФ, до того всю войну пробывшие в резерве, они впитывали наш боевой опыт и рассказывали нам об особенностях дальневосточного театра. Затем, когда фашистов окончательно вышвырнули из Прибалтики и с Моонзундских островов, несколько наших пилотов и штурманов было командировано на ТОФ, как было объявлено, на время. Наконец, политработники стали проводить с личным составом беседы о японской агрессии на Дальнем Востоке, причем наши павшие в Порт-Артуре и Цусиме были названы защитниками Отечества, а не жертвами несправедливой войны, как всегда до того. А с весны вышли фильмы «Сергей Лазо», «Подвиг “Варяга”», «Цусима» – рекомендованные Политуправлением к обязательному просмотру. И стало ясно – война не за горами.

Как мы к этому отнеслись? Как к необходимости выполнить свой долг. У нас за плечами было три года страшной войны (а кто пришел позже, тот быстро прониклся общим духом). Мы привыкли к боевой работе, втянулись в нее. Для нас само собой разумеющимся было, что смысл жизни военного летчика это защищать интересы Родины там и тогда, как будет приказ, куда пошлет нас товарищ Сталин. Ну и конечно, самураи никакого сочувствия у нас не вызывали – такие же фашисты, только азиатские. А все мы были убеждены, что с фашистами, любого цвета, мирно ужиться нельзя – если не добить их без пощады, то они обязательно на нас нападут, и тогда воевать и умирать придется нашим детям и внукам. Так что отношения было чисто рациональное, мы изучали опыт воздушных сражений у Мидуэя, Гуадаканала, и других мест (удивляло немного, что некоторые координаты и даты были закодированы). Там была совсем другая война, не та, к которой мы привыкли, – ну не встречались мы над Балтикой с вражеской палубной авиацией, основным нашим врагом были зенитки кораблей, немецкие истребители над морем летали уже редко в 1943 году.

Большой интерес вызвало освоение нового оружия – управляемых бомб Х-1400, сбрасываемых со специально оборудованных Ту-2. На первый взгляд, казалось простым, держа машину на боевом курсе, поймать цель в обычный бомбардировочный прицел, и после сброса, с помощью ручки управления совмещать трассер на бомбе с целью. На практике все было много сложнее – самолет должен был плавно, но довольно быстро снижать скорость, чтобы самолет не обогнал бомбу и оператор мог удержать ее в поле зрения. И было понятие «допустимая по баллистике воронка», в которую должна укладываться линия, самолет – цель. При резких маневрах могли порваться провода управления – да и манипулировать бомбой оказалось весьма непросто, не говоря уже о том, что попасть ею, летящей в конце полета с околозвуковой скоростью, в узкую и длинную скоростную цель, при том что самолет также летел на высоте в несколько километров, а даже умеренный ветер заставлял вводить поправку, сбивая бомбу с курса. Поначалу дело не ладилось – привыкнуть к специфике управляемых бомб было тяжело, тем более что Ладогу, с ее плохой погодой, штормами и туманами, никак нельзя назвать легким полигоном. Но глаза удивляются, а руки делают – понемногу рос процент попаданий, благо наркомат щедро выделял нам и дефицитный авиабензин, и запчасти для машин, и учебные бомбы с инертной боевой частью, не говоря уже о том, что наша «мишенная флотилия» выхо-

дила в озеро по первому требованию. А мы были опытными пилотами-фронтовиками, сразу оценившими возможности, которые дает нам новое оружие – хотя бы тот факт, что мы теперь могли наносить удар, не входя в зону действия малокалиберных зенитных автоматов.

К сожалению, идея Ту-2 как единого морского ударного самолета оказалась неудачной. При всех достоинствах эта замечательная машина имела неустрашимый недостаток: деформацию планера после нескольких крутых пике. Также боевая подготовка пилотов-торпедоносцев и пикировщиков сильно различалась, иметь же «универсалов», обученных обоим задачам, было очень затратно, и они все равно уступали бы спецам. Потому пришлось восстановить пикирующие бомбардировочные полки на Пе-2. Что было выходом – но при условии увеличения дальности и улучшения приборного оборудования этого самолета. Поскольку пикировала «пешка» хорошо, но ее боевой радиус, неполных 400 км, для тихоокеанского ТВД был недопустимо мал; да и нормальная бомбовая нагрузка в 600 кг тоже, работе по кораблям не соответствовала (в этом убедились немцы еще в сороковом, когда обнаружили, что полутонные бомбы, тогда основное оружие «штук», даже при прямом попадании далеко не всегда смертельны для британского крейсера или даже эсминца). И скорость «пешки» тоже не мешало бы увеличить!

Выручило КБ Мясищева, сделав практически новый самолет под старым наименованием, Пе-2И. С улучшенной аэродинамикой и новыми движками, характеристики были просто выдающиеся: скорость – свыше 650 км/ч, дальность – 2200 км, максимальная бомбовая нагрузка – 1500 кг, причем бомбоотсек был рассчитан на размещение укороченной модификации ФАБ-1000. Имелись у Пе-2И и дефекты – поначалу «сырые» двигатели ВК-107А, имевшие нехорошую привычку «стрелять» шатунами через 50 часов эксплуатации и ненадежная электрическая дистанционно управляемая турель с крупнокалиберным пулеметом УБТ, предназначенным для защиты задней полусферы. Забегая вперед, скажу, что параллельно с доводкой ВК-107А делали еще и модификацию с немецкими моторами DB-603. В результате Пе-2И с честью прошел суровые государственные испытания в сентябре 1944 года – параллельно шла подготовка к серийному производству машины; в конце октября морская авиация приняла первые 30 самолетов. А вот дистанционно управляемую турель поставили немецкую, по образцу Me-410, работавшую нормально! Ну и конечно, защитой Пе-2И были высокая скорость, превосходившая скорость почти всех японских истребителей, и сильное истребительное прикрытие.

А летом сорок четвертого было принято временное решение (воистину, нет ничего более постоянного, чем «временное»), иметь несколько инструментов под разные задачи – в итоге в составе дивизии оказалось семь полков, два торпедоносных и три бомбардировочных на Ту-2, два пикировщиков на Пе-2! Тогда было решено переформировать дивизию в корпус, встал вопрос о подготовке личного состава – даже среди тихоокеанцев было много таких, кто новых самолетов прежде и не видел, летая на СБ, или даже на ТБ-3! Но эти заботы были лишь слабым подобием тех, чем мне пришлось заняться очень скоро!

В июле 1944 года меня вызвали в Москву. Неужели – завтра наконец на Дальний Восток? В наркомате ВМФ меня, после получасового ожидания, принял сам нарком, Николай Герасимович Кузнецов. Присутствовали еще четверо адмиралов – начальника Главного Штаба ВМФ Алафузова и его правую руку Степанова я знал, двое других были мне незнакомы.

– Здравия желаю, товарищ нарком, товарищи адмиралы! – приветствовал я собравшихся.

– Здравствуй, товарищ Раков! – сердечно поздоровался со мной Николай Герасимович.

– С товарищами Алафузовым и Степановым вы знакомы – а вот с товарищами Лазаревым и Зозулей пока нет.

– Знакомьтесь, товарищи – это Василий Иванович Раков, лучший летчик ударной авиации флота, командир 1-й гвардейской авиадивизии РГК, – представил меня нарком, – это Лазарев, Михаил Петрович, командир К-25, – представил он мне высокого, подтянутого контр-адмирала с двумя Золотыми Звездами на кителе. – Это Зозуля, Федор Владимирович, нач-

штаба Северного флота, – представил он мне полноватого контр-адмирала с одной Золотой Звездой.

Сегодня флотские офицеры, услышав упоминание «Лазарев М.П.» спрашивают, это который – наш современный, или кто Антарктиду открыл? Но уже тогда он был более чем известен в советском флоте. Война продвигает людей намного быстрее, чем мирное время, и очень многие люди, чьи имена гремели в победном сорок четвертом, были в невысоких чинах всего три года назад. Бесспорно, лучший подводник в мире, командир легендарной «моржихи» К-25, потопившей больше сотни вражеских кораблей (немец ла Перьер в прошлую войну имел счет в четыреста, включая сюда пароходики и шхуны, а вот ни одного линкора или крейсера там не было – зато в заслугах Лазарева были Арктический и Средиземноморский флоты Рейха, почти в полном составе). Однако же еще с лета сорок третьего Лазарев стал известен и как теоретик, некоторые новые идеи строительства флота и новой морской тактики, получившие достаточную известность в узких флотских и даже армейских кругах, приписывались ему. В то же время никто не знал его биографии, ходили слухи, что он едва ли не белоэмигрант, и даже не член партии – другие же утверждали, что прежде он служил в НКВД или в разведке, а в сорок втором вернулся; слышал даже версию, что он (конечно, по нашему заданию, и под чужим именем) был одним из лучших подводников кригсмарине, в «битве за Атлантику» в сороковом – и оттого ненавидит англичан еще больше, чем немцев. Нарком представил нас друг другу буднично, как бы между делом.

– Рад познакомиться, – протянул мне руку, доброжелательно улыбнувшись, Лазарев.

– Очень приятно, – ответил я, пожимая ему руку.

Мрачноватый Зозуля произнес положенные вежливые слова, пожал мне руку, на том церемония знакомства закончилась.

– Итак, товарищи, все в сборе, кроме товарища Большакова, отсутствующего по уважительной причине, – так что переходим к делу, – сказал Кузнецов, – принято решение готовиться к войне с Японией. Соответственно, наркомат ВМФ создает группу, отвечающую за морскую часть операции. Руководить группой будет товарищ Лазарев, штабную часть примет на себя товарищ Зозуля, временно же, на срок его командировки в США, эти обязанности будет исполнять Степанов. За морскую пехоту будет отвечать товарищ Большаков, авиационную я хочу предложить товарищу Ракову. Разумеется, и наркомат, и Главный Штаб окажут группе всю возможную помощь.

Данное сообщение не вызвало у меня удивления – слишком вдумчиво нас готовили к нанесению ударов по самурайскому флоту. Но почему эту работу предложили мне, полковнику авиации, если в ВВС РККФ хватало генералов, причем неплохих? К слову сказать, у ВВС РККА тоже имелись талантливые авиационные командиры – конечно, у морской авиации своя специфика, резко отличающаяся от сухопутной, но все-таки..

Как я уже сказал, на войне люди растут быстро. Среди моих пилотов лейтенанты сорок первого года, кому повезло выжить – сейчас ходили майорами и подполковниками. Однако, согласно закону Паркинсона (тогда я еще не знал этого слова, но суть понятна), слишком быстрый рост таил в себе и опасность, взлететь «без тормозов», выше своего реального потолка и при очередном назначении провалить порученное дело – а за это, в сталинское время, расплата была суровой. Я же считал своим уровнем должность летающего командира полка, даже дивизия казалась мне поначалу чем-то чрезмерным. Боялся ли я штабных интриг – нет, в воюющей армии все ж больше смотрят на результат. Но сейчас мне предлагали прямую дорогу к должности командующего ВВС Тихоокеанского флота, что по сухопутным меркам равно воздушной армии, это даже моему полковничьему званию не соответствует! И если я не справлюсь, да еще на войне... судьба Ивана Копца, отличного воздушного бойца в небе Испании, оказавшегося на посту командующего авиацией ЗапОВО в июне сорок первого, станет и моей, и это еще если спокойно застрелиться дадут! С другой стороны, предстоящая война с Японией

манила возможностью проверить мои наработки по тактике – и пост командующего ВВС давал тому наилучшие шансы¹¹. Потому, после недолгого размышления я решился – пробьемся, это не страшнее, чем было над Таллином и Либавой, да и «двум смертям не бывать, а одной – не миновать».

– Я согласен, товарищ нарком, – твердо сказал я.

– Отлично, – явно обрадовался моему согласию Кузнецов, – тогда, товарищ Раков, введу вас в курс дела – начало войны с Японией намечается на май-июнь 1945 года, основными задачами флота будут высадки десантов на Курилы, Сахалин, острова в Корейском проливе и, возможно, Хоккайдо. Ввиду того, что резко усилить корабельный состав ТОФ к указанному сроку не представляется возможным (что-то, может быть, получим от союзников, но особой надежды нет), именно авиация должна будет взять на себя основную часть работы. То есть в задачу ВВС ТОФ, помимо захвата господства в воздухе в зоне будущих операций и воздушной поддержки десанта, войдет и противодействие японскому флоту – возможно, главным его силам, включая авианосные соединения с опытом четырех лет войны, нашим противником будет мощная японская палубная авиация, сумевшая нанести американцам несколько очень болезненных ударов. Вам предстоит сделать расчеты сил и средств, необходимых для решения этих задач, прикинуть, какая техника и материально-техническое обеспечение понадобятся.

– Со своей стороны, хотелось бы обратить ваше внимание, товарищ Раков, – мягко заметил Лазарев, явно не желая меня задеть, – значительная часть наших самолетов рассчитана на применение на восточноевропейском ТВД, и, соответственно, имеет небольшой боевой радиус; возможно, вы сочтете в каких-то случаях более полезным широко использовать американскую или трофейную технику, тем более что очень на то похоже, что вскоре у нас будет широкий выбор немецких самолетов – так вот, если вы сочтете это целесообразным, не сомневайтесь, я вас поддержу.

В переводе на русский язык это значило: «мы вам доверяем, используйте те машины, которые удобней будет использовать – а от обвинений в непатриотизме мы вас прикроем».

Я коротко поблагодарил Кузнецова и Лазарева за доверие, заверил, что не подведу.

Кузнецов кивнул и, подводя итог короткого совещания, сообщил, что группе выделены помещения в здании наркомата, ну а нужные материалы для работы секретчики доставят немедленно. После короткой беседы в кабинете Лазарева, где контр-адмирал кратко изложил мне свой первоначальный замысел, я попросил разрешения приступить к своей части работы. И схватился за голову – ясно было, что имеющихся сил и средств катастрофически не хватает – и дополнение их вверенной мне дивизией проблемы не решает и решить не может. Как прорвать оборону японского авианосно-линейного соединения, добившись решительного результата, и, что очень важно, не понеся при этом катастрофических потерь?

На Балтике нашим противником были очень слабо прикрытые, по тихоокеанским меркам, конвои, и даже одиночные транспорта, в охранении не было кораблей крупнее эсминца. Теперь же нам предстояло работать против корабельного соединения, имеющего в составе современные линкоры (на каждом до сотни зенитных стволов – по сухопутной мерке, зенитно-артиллерийская дивизия), и тяжелые авианосцы, могущие выпустить каждый по истребительному полку; плюс тяжелые и легкие крейсера, и эсминцы, также с множеством зениток. Что влекло качественно иной уровень и состав потерь – если от зенитного огня на каждый потярянный над целью самолет приходится два-три упавших в море, не дотянув до базы (оставляя экипажу надежду на спасение гидросамолетами, патрулирующими у нашего берега), то истребителям легче добивать как раз подранков, отставших от строя, то есть безвозвратная убыль экипажей должна резко возрасти. И это при том, что подготовить морского летчика или штурмана – куда дольше и дороже, чем сухопутного!

¹¹ В нашей истории, В. И. Раков был не только выдающимся практиком, но и серьезным теоретиком морской авиации.

Да, спустя годы я могу только низко поклониться неизвестным героям-разведчикам, сумевшим добыть подробные сведения о японских вооружениях и тактике – благодаря им мы уже тогда знали сильные и слабые стороны японских кораблей, ТТХ вооружения, тактику палубной авиации и ПВО. Их подвиги на невидимом фронте сделали очень многое для того, чтобы не только стало возможно то сражение, которое сами японцы называют «русской Цусимой», но и то, что мы добились этой невиданной со времен Ушакова и Нахимова победы ценой относительно малых потерь. Сейчас иные западные исследователи любят рассуждать о том, что, дескать, русские раздавили ослабленный в сражениях с американцами Императорский флот, впервые в истории массированно применив управляемое оружие класса «воздух-корабль» против многочисленного, но технически отсталого японского флота. Судите сами, уважаемые читатели, – можно ли назвать ослабленным флот, несмотря на потери, на тот момент еще продолжающий делить второе-третье места в мировой «табеле о рангах» с английским Королевским флотом? Еще имеющий в строю более полутора сотен кораблей основных классов, с опытными и храбрыми экипажами, находящимися под командованием талантливых адмиралов? А в японской морской авиации числилось более полутысячи палубных самолетов и свыше четырех тысяч базовых машин!

Да, по сравнению с американскими системами корабельной ПВО, в то время бывшими лучшими в мире, японцы изрядно отстали; да, японские универсальные орудия заметно уступали американской 127/38-мм стабилизированной пушке (хотя 100-мм орудия новейших эсминцев «Акицуки», эти же пушки стояли на «Тайхо», имели сопоставимые характеристики и СУО); да, 25-мм японский зенитный автомат, являвшийся переделкой вовсе уж допотопного французского «гочкисса» не шел ни в какое сравнение с действительно великолепным американским 40-мм «бофорсом», что очень важно, стабилизированным; да, у самураев и в помине не было ни радарных систем управления зенитным огнем, ни радиовзрывателей для снарядов – вот только равноценных аналогов вышеперечисленных американских систем тогда не производила ни одна из морских держав. Если же сравнивать с общим уровнем – у японцев были приличные универсальные орудия, морально устаревшие автоматы (зато очень много) и совсем не было новейших систем управления зенитным огнем и радиовзрывателей – как и у всех остальных. А если добавить к этому списку отсутствие у нас опыта массированных атак вообще, а не только корабельных соединений противника, имеющего сильную палубную авиацию и ПВО, в открытом море, то картина вырисовывалась и вовсе грустная.

Номинально в составе ВВС ТОФ и ВВС Северной Тихоокеанской флотилии (последняя защищала Камчатку, отделенную от Приморья «японской таможней» Курильской гряды) числилось 1549 самолетов. В ВВС ТОФ входили четыре дивизии:

10-я бомбардировочная дивизия в составе 33-го и 34-го полков (по 33 Пе-2), во втором из них имела еще четвертая эскадрилья на Ту-2, и 19-го истребительного полка (32 Як-9).

2-я минно-торпедная дивизия, в составе 4-го, 49-го, 52-го полков. Самолеты ДБ-3, которыми был полностью вооружен 52-й полк, и по одной эскадрилье в остальных двух – безнадежно устаревшие, снятые с производства еще до войны, да к тому же и сильно изношенные, не имели почти никакой боевой ценности и подлежали списанию. Реальную силу представляли лишь 44 «бостона» в 49 бап. Ил-4, которыми были вооружены две эскадрильи 4 бап, также не отвечали требованиям последнего года войны.

15-я смешанная дивизия имела в составе 58-й и 59-й истребительные полки (на Як-9), и 117-й разведывательный полк (гидросамолеты МБР-2 и Каталина). Первые два полка отвечали за ПВО объектов флота, от устья Амура до Татарского пролива. А гидросамолеты не имели никаких ударных возможностей.

12-я штурмовая авиадивизия – полки 26-й штурмовой, 14-й и 38-й истребительные, прибывав с запада 37-й штурмовой. В истребительных полках, наряду с Як-9, были Лагг-3, в действующей армии давно ставшие анахронизмом. 26-й полк был вооружен новейшими Ил-10,

однако же не имевшими перед Ил-2 37-го полка никаких преимуществ относительно дальности и приборно-навигационного оборудования для полетов над морем.

В состав же единственной 7-й авиадивизии СТОФ входил единственный же 17-й истребительный полк, имевший даже не Лагги, а подлинные раритеты, И-153 и даже И-15бис (последние считались устаревшими уже во время Халхин-Гола). Отдельные разведывательные эскадрильи летали на МБР-2. Не лучше было дело и у армейцев, дислоцированных на Дальнем Востоке – истребители И-16, И-153, бомбардировщики СБ и даже ТБ-3 (последние, правда, уже использовались скорее как тяжелые транспортники) были обычным явлением. Новая техника, как отечественная, так и ленд-лизовская, во время войны шла исключительно на фронт, на нужды ДВ для перевооружения оставались жалкие крохи. Не лучшим образом обстояли дела и с летчиками – если генерал-майор Дзюба, командующий ВВС СТОФ, отвоевал всю войну, под конец командуя ВВС Беломорской флотилии, а до того прошел Хасан и финскую, то командующий ВВС ТОФ генерал-лейтенант Лемешко всю Отечественную провел на Тихом океане – нет, я не хочу сказать, что там был курорт, но боевого опыта у него не было, как и у большинства его подчиненных – такие, как полковник Барташов, командир 12-й шад, отлично себя показавший в командировке на Черном море в 1943 году, были в меньшинстве. И на уровне отдельных полков и эскадрилий было то же самое – если готовившийся к переброске на Дальний Восток 27-й Краснознаменный иап 6-й иад СФ, сформированный в 1942 году на базе двух эскадрилий 2-го сап СФ, знаменитого «сафоновского» полка, был стопроцентно боеготовой частью, то 39-й иап только заканчивал переход с И-16 и И-15бис и боевого опыта не имел; получше обстояли дела с 43-м иап, сформированным на ЧФ из резерва ВВС ВМФ, из летчиков, успевших хлебнуть войны¹².

А тем временем, оснований для благодушия не просматривалось – по подробнейшим данным разведки, на аэродромах Курил могло базироваться до 600 японских самолетов, на юге Сахалина имелось 13 аэродромов, на которых могло разместиться еще несколько сотен машин, 11 из них имели ВПП до 1000–1100 м, 2 – бетонные ВПП длиной 1300–1500 м; и на Хоккайдо могло базироваться до 1500 самолетов. Также не исключалась массовая переброска авиации с Хонсю – разведка доложила о наличии там 6–7 тысячах самолетов, подготовленных для отражения американского десанта, правда, оговорив, что значительная их часть является устаревшими и учебными. Однако было известно, что немцы успели поставить в Японию крупную партию ФВ-190 и Ме-109, самых последних моделей, в том числе и в палубной версии, – а бои в Атлантике 1943 года (рейды Тиле) показали, что немецкая палубная авиация представляет достаточно серьезную угрозу. Известно было что в состав японского флота входят шесть больших авианосцев – «Тайхо», «Дзуйкаку», «Сеаку»¹³, «Унрю», «Амаги», «Кацураги», а также какое-то количество малых авианосцев, перестроенных из гидроавиатранспортов и торговых судов. Да, разведка докладывала о паршивом качестве массовых японских самолетов, в особенности их моторов, плохом авиабензине и маслах, малом налете основной массы самурайских летчиков – но я помнил, что подобные сообщения усыпляли бдительность англо-американцев еще перед Перл-Харбором. Потому я, исходя из своего опыта, считал нужным готовиться к худшему, а именно к тому, что драться придется в полную силу с врагом, не менее сильным, чем немцы. При том, что не исключалось и наличие в Японии какого-то числа немецких «добровольцев» – поскольку участие японских пилотов на стороне Рейха в Лиссабонском сражении было уже доказанным фактом, то и ответная услуга Гитлера, пославшего своих летчиков и моряков в помощь своему союзнику, казалась не столь невероятной.

Итого наличные силы нашей морской авиации на ДВ еще могут кое-как обеспечить ПВО и вести ближнюю разведку. Поддержка тактических десантов была возможна лишь на малом

¹² Указанная картина в целом соответствует нашей истории, положение на август 1945.

¹³ Напомню что Раков говорит еще о времени до битвы у Сайпана.

удалении, в пределах боевого радиуса Ил-2. Еще реальны попытки нарушать японское судоходство, крейсерскими вылетами торпедоносцев – и то, при условии хорошего разведывательного обеспечения, привычная для Балтики «свободная охота» на тихоокеанских просторах была малоперспективной. Штабная игра, где прорабатывался бой с японской авианосной эскадрой, дала просто катастрофические результаты. Опыт Тихоокеанской войны показывал, что японцы никогда не подходили к вражеским аэродромам ближе чем на 200 морских миль, а обычно же наносили удары с гораздо большего расстояния – и в то, что они зарвутся и допустят настолько грубую ошибку, не верил никто. Самураев можно было считать кем угодно – беззащитными агрессорами, жестокими оккупантами, без малейшего зазрения совести практиковавшими массовые убийства мирного населения на оккупированных территориях, но воинами они были первоклассными, так что никаких оснований заподозрить их в идиотизме просто не было. А сто миль было пределом, до которого Ла-7 могли прикрыть ударную авиацию! В итоге реальными оставались два варианта: в первом торпедоносцы и пикировщики шли в атаку без истребительного прикрытия – что гарантированно приводило к гибели не менее 75 % наших ударных машин, при умеренных потерях японцев; во втором наши истребители сопровождали атакующую волну до цели, но для них это был полет без возврата, поскольку бензина им должно было хватить лишь на то, чтобы долететь и провести короткий бой – в этом варианте мы гарантированно теряли все истребители, не менее половины торпедоносцев и пикировщиков; что же касается самураев, то при разных вариантах их действий их потери сильно различались – были возможны и тяжелые потери, в том случае, если нам удалось бы застать их врасплох, были возможны и вполне для них терпимые, если они успевали поднять истребители. Итого, при том условии, что японцы не сделают ошибок, мы теряли лучших летчиков нашей морской авиации, сведенных в отборный гвардейский авиакорпус Резерва Ставки, в обмен на нанесение японскому Ударному соединению довольно умеренных потерь. Оставалось только констатировать тот факт, что при использовании обычных наших тактических схем и техники поставленную командованием задачу решить было невозможно.

Следует отметить: применения управляемых боеприпасов первого поколения само по себе проблему не решало! Как я уже сказал, для наведения Х-1400, чтобы траектория бомбы лежала внутри «баллистической воронки», необходимо было сбрасывать скорость самолета, сохраняя при этом постоянный курс. И затруднительно было одновременное применение бомб по одной цели, так как операторы при этом путали трассеры свои и соседей. Проблемой также оказался обрыв управляющих проводов осколками зенитных снарядов – это было обнаружено еще до войны, в осенних учениях на Ладоге, когда корабли БФ, сопровождающие «мишенную флотилию» при бомбежке вели интенсивный зенитный огонь, понятно, с разрывами на меньшей высоте. Результатом был заказ промышленности на разработку радиокомандной версии, Х-1400Р, но эти бомбы к началу боевых действий были получены в весьма малом количестве. И применение КАБ никак не снимало для нас угрозу от японских истребителей – среди материалов разведки, нам предоставленных, были данные о попытке применения японцами управляемых бомб с системой наведения в виде пилота-смертника, окончившаяся полной неудачей, так как все бомбардировщики-носители были сбиты американскими истребителями еще на подлете, задолго до собственно атаки. Кроме того, было общеизвестно, что против больших военных кораблей торпеда является намного более эффективным оружием – а оттого мы не исключали их атаки и торпедоносцы. Хотя страшно было представить, какие у них будут потери – если даже на Балтике в сорок третьем, при гораздо более слабой немецкой корабельной ПВО, торпедоносцы жили в среднем 3–4 вылета, что было меньше, чем даже у штурмовиков.

На доклад к наркому ВМФ Кузнецову я летел в соответствующем расположении духа – после всех побед над немцами расписываться в своей бессилии перед японцами очень не хотелось, но выхода найти не удавалось. Николай Герасимович выслушал меня спокойно –

впрочем, это было для него нормой – такой уж он человек, доброжелательный и тактичный по отношению к окружающим. Также присутствовали Лазарев и Зозуля.

– Что ж, товарищ Раков, хорошо, что вы не поступили, как японский адмирал, окажись он на вашем месте – эта фраза была мне тогда непонятна, поскольку мы не знали еще про тактику камикадзе, причем в массированном исполнении – а теперь посмотрите, пожалуйста, вот это.

Это был план удара воздушной армии ВМФ (с расчетом сил и средств), в составе которой имелось девятьсот бомбардировщиков (первая волна – носители высокоточного оружия, вторая – обычные пикировщики и торпедоносцы, для добивания поврежденных кораблей) по японскому авианосно-линейному соединению, в составе трех линкоров, двух линейных крейсеров, шести тяжелых авианосцев, шести тяжелых крейсеров и тридцати эсминцев. Дорогу ударным самолетам должны были расчистить 400 Ла-11 – я знал, что в КБ Лавочкина разрабатывается этот истребитель, но чтобы уже включать его в расчет?

Я имел сведения по ВВС всех наших флотов. ЧФ располагал четырьмя дивизиями – 4-й истребительной, 11-й штурмовой, 2-й гвард. минно-торпедной, 13-й пикирующих бомбардировщиков. КБФ – три дивизии: 8-я минно-торпедная, 9-я штурмовая, 1-я гвард. истребительная. СФ – три: 5-я минно-торпедная, 6-я истребительная, 14-я смешанная. И пять дивизий, как я уже сказал, было на ТОФ. Итого пятнадцать, причем с заметным креном в сторону истребителей – даже бомбардировочные и штурмовые дивизии, как правило, включали в себя один, а то и два (как 9-я и 11-я шад) истребительных полка. Если же считать по полкам, имеющих однородный состав (примем в среднем по 30 самолетов, хотя на ДВ еще были полки старой организации, по 50, 60), что выходило – торпедоносцы, 9 полков, 270 машин. Пикировщики – 6 полков, 180 машин. Штурмовики – 7 полков, 210 машин. Истребители – 25 полков, 750 машин. Особый корпус давал прибавку, еще пять бомбардировочных полков (два бывших торпедоносных, обученных работе с КАБ) и два пикировщиков. И это была вся морская авиация СССР!

Для сравнения: у японцев на каждом авианосце было от 65 самолетов, два наших полка (тип «Унрю»), до 84 («Тайхо»), на типе «Акаги» было по 90, но они, к счастью, уже все утопи. Говоря упрощенно, каждый авианосец имел на борту смешанную авиадивизию (у нас номинально состав был больше – но с учетом реально боеготовых машин выходил почти паритет).

– Товарищи, давайте я попробую описать текущий расклад, как я его понял, – спокойно и доброжелательно сказал Лазарев, – а вы, помня то, что я не летчик и не штабист, поправите меня, если я ошибусь.

Я был немного удивлен – привыкнув к общению с командующим БФ Трибуцем, считавшим нормой разговор с нижестоящими на повышенных тонах. В сравнении с ним адмирал, предлагающий подчиненным указать на его ошибки, производил впечатление марсианина.

– Итак, товарищи, – неторопливо начал Лазарев, – в том случае, если мы «разденем» ВВС всех западных флотов до последнего боевого летчика, то всех имеющихся соединений хватит на формирование одной сильной воздушной армии, насчитывающей около двух тысяч машин. Резервов у нас не будет, так что восполнять потери нечем. Противник имеет порядка 500 машин палубной авиации, примерно 4000 самолетов базовой авиации, как минимум 3000 машин армейской авиации. Разведка, правда, докладывает о многочисленных недостатках в японских ВВС, но, во-первых, мы не знаем, насколько это соответствует истине, во-вторых, даже если это святая правда, с начала и до конца, то при четырехкратном численном превосходстве японцев можно говорить разве что о равенстве сил в воздухе. При подавляющем превосходстве самураев в надводных кораблях это означает, что ТОФ будет гарантированно уничтожен, а наши десанты перемолоты в фарш. Однако наши возможности против кораблей весьма ограничены – все, что у нас есть, это 330 пикировщиков, 243 торпедоносца, 90 бомбардировщиков – носителей высокоточного оружия. С учетом того, что в условиях активного противодействия противника торпедоносец живет 3–4 вылета, пикировщик – 5–10 вылетов,

по носителям КАБ статистики пока нет, да и 18 попаданий за один вылет пусть и тяжелых бомб точно не смогут переломить ход возможного сражения, это значит, что нашей ударной авиации хватит на одно хорошее сражение, не более того – причем нет никакой гарантии, что нам хотя бы удастся нанести японцам тяжелые потери.

Лазарев сделал паузу, внимательно глядя на нас с Зозулей – впоследствии я привык к этой его манере, предлагать к рассмотрению худший из возможных вариантов – и давать подчиненным возможность предложить выход из, казалось бы, безнадежного положения.

– Разрешите, Михаил Петрович, – попросил слова Зозуля.

– Конечно, Федор Владимирович, – Лазарев был непробиваемо спокоен.

– Во-первых, позволю себе заметить, что в случае реализации предложенного вами плана быстрого захвата южного Сахалина – прорыв армейцами Поронайского укрепрайона и одновременно высадка морского десанта силой до дивизии морской пехоты в Корсакове, с предварительной бомбежкой авиацией японских аэродромов на юге Сахалина – нам не придется иметь дело со всей японской авиацией одновременно; наоборот, ее можно будет бить по частям, – корректно возразил Лазареву Зозуля.

Я внимательно слушал – так я впервые услышал о подробностях «плана воздушно-морского сражения на севере Тихого океана», «плане Лазарева», который сейчас изучают во всех военно-морских академиях мира. И признаюсь, для меня были новостью не только план, но и стиль общения, принятый между Лазаревым и Зозулей – спокойно-доброжелательный и, к сожалению, встречающийся реже, чем хотелось бы.

– При реализации вашего плана, Михаил Петрович, часть японской авиации на Сахалине будет уничтожена еще на аэродромах, часть – сбита нашими истребителями, часть – либо перелетит на Хоккайдо, либо будет уничтожена нашим десантом на земле, – продолжил Зозуля, – сами же аэродромы будут захвачены нами на второй день операции. Еще сутки уйдут на ремонт японских аэродромов нашими инженерными частями, налаживание снабжения и обслуживания самолетов. До третьих суток операции наше господство в воздухе над югом Сахалина обеспечат авиадивизии с баз на севере острова – затем начнется переброска истребителей на захваченные аэродромы.

Следующее по счету – японские авиачасти, базирующиеся на Хоккайдо. Да, там до 1500 самолетов (первой линии), – но совершенно не факт, что японцы смогут нанести концентрированный удар хотя бы на вторые сутки с начала нашей операции. Пока в их штабах разберутся, что именно происходит, пройдут сутки, не меньше – это если у них есть детально проработанные планы на случай нашего стремительного удара по южному Сахалину, я беру худший для нас вариант. Далее, эти планы надо довести до частей и соединений, приспособив их для имеющихся сил и средств – а это тыловые части, наверняка укомплектованные не самыми лучшими командирами, экипажами и техниками; лучшие дерутся на юге с американцами. Даже если разведка и ошибается, и самураи держат там элиту своих ВВС, полностью обеспеченных снабжением – все равно, раньше третьего дня они просто физически не успеют подготовить концентрированный удар. Но я более чем уверен, что разведчики не ошибаются, и все именно так и обстоит, как они докладывают – слишком уж убедительны представленные ими доказательства. В этом случае будет что-то очень похожее на наши действия в июне 1941 года – спешный приказ поднять все исправные самолеты, кстати, вряд ли таковых в тыловых частях окажется больше половины, в крайнем случае, две трети от списочной численности¹⁴; отдельные полки и дивизии будут атаковать вразнобой, без координации с соседями, бомбардировщики без истребительного прикрытия. Итого, по максимуму, где-то с обеда второго дня Сахалинской операции нас ждет серия разрозненных атак силами нескольких десятков, самое большее пары

¹⁴ В нашей истории, в 1945 году в авиачастях Императорского флота была исправна половина самолетов – для сравнения, в 1941 году – 80 %.

сотен самолетов с неопытными экипажами – и это продлится до пятого-седьмого дня. К этому же времени мы должны закончить штурм Северных Курил – кстати, это приведет к раздроблению авиационных резервов на Хоккайдо, поскольку их оперативными планами предусмотрена поддержка авиацией не одной сахалинской группировки, но и северокурильской, по воздушному мосту Хоккайдо-Южные Курилы-Матуа-Северные Курилы. Конечно, больших сил для Северных Курил не выделяют, но на 100–200 машин можно рассчитывать.

Где-то на третьи сутки операции в Императорской ставке поймут, что все обстоит предельно серьезно – когда юг Сахалина будет уже потерян, конечно, где-то еще останутся отдельные очаги сопротивления, но поражение будет очевидно. Естественной реакцией для них будет подтверждение приказа на атаку авиацией, дислоцированной на Хоккайдо, – то, что я сказал раньше; возможно, если нам повезет, то некоторые пехотные соединения, занимающие оборону на Хоккайдо, получат приказ на проведение десантной операции на юге Сахалина, имеющей целью восстановить положение. Это было бы прекрасно – мы бы получили возможность уничтожить японские части в море и во встречном сражении на Сахалине, а не выковыривать из укрепрайонов на Хоккайдо, но на такую удачу я особо не надеюсь.

Где-то на шестые-седьмые сутки операции до самурайского Верховного командования дойдет, что справиться с нами, с использованием только частей и соединений, дислоцированных на Сахалине и Хоккайдо, не получается – надо готовить массированный удар, задействовав стратегические резервы. Естественно, на практике это решение будет принято после ожесточенных споров между командованием армии и флота – это объясняется как объективными, так и субъективными причинами.

– Можно об этом подробнее? – спросил Кузнецов. – Если субъективные причины это вероятные ошибки врага, то я не стал бы опираться на них в плане.

– Объективные причины, в первом приближении, можно описать так: во-первых, японцам необходимы силы на юге, против американцев; во-вторых, самураи будут обоснованно опасаться того, что наше наступление скоординировано с союзниками, именно с целью «раздергать» японские стратегические резервы, что почти гарантированно приведет Японию к тяжелейшим поражениям и на юге, и на севере. Субъективные заключаются в том, что, во-первых, психологически самураи воспринимают в качестве главного противника именно янки, а не нас – именно поэтому им трудно будет принять решение о перенаправлении резервов против нас; во-вторых, и сам факт начала нами войны, и поражение на Сахалине станут поводом для нового тура грызни между армией и флотом, что тоже отнимет у них какое-то время. В общем, поиск виноватых, перелицовка имеющихся планов, выделение сил и доведение разработанного ГШ Армии и Морским ГШ плана до исполнителей займет у них от пяти до девяти суток – я рассчитываю на неделю. За это время мы окончательно подавим организованное сопротивление на Сахалине, и, самое главное, полностью развернем передовую группировку авиации, береговой и зенитной артиллерии на юге Сахалина; кроме того, мы перебросим резервы из Приморья на аэродромы Северного Сахалина.

– Обращаю ваше внимание, – сказал Лазарев, – в этой части операции инженерно-строительные части окажутся столь же важны, если не более, чем штурмовые батальоны. Надо не просто быстро, а очень быстро привести в порядок захваченные японские аэродромы или подготовить площадки, с использованием металлических полос. И одними ломами и лопатами не обойдемся – нужна техника, наподобие той, что я видел в Италии, инженерные бригады по расчистке дорог и строительству путей в горах. Как показывает японский и американский опыт строительства аэродромов на островах Тихого океана, один бульдозер с успехом заменит роту солдат или пару сотен спешно согнанных туземцев с шанцевым инструментом. Конечно, это епархия не ВВС, а морской пехоты, но надо уже подумать о взаимодействии, чтобы командир любого уровня не считал эту задачу на десятом месте по важности, после «занять и удержать рубеж».

– Это решается легко, – ответил Зозуля, – задача обеспечить строительство аэродрома в указанном месте вписывается в боевой приказ, и попробуй не выполни! В общем, по расчетам, успеваем – лишь на десятый-четырнадцатый день с начала нашей операции японские штабы подготовят план ответного удара. Предположительно, он будет выглядеть так: на аэродромах Хоккайдо сосредотачивается группировка авиации, армейской и базовой флота; при нынешнем наполнении этих аэродромов в 1500 машин, можно ожидать сосредоточения группировки общей численностью в 2000–2500 самолетов; будет подготовлена высадка японского десанта, с поставленной задачей как минимум возвращение юга Сахалина; и, последнее по счету, но не по важности – в море выйдут Главные Силы Императорского флота, имеющие задачу поддержать десант. У нас уже будет обеспечено господство в воздухе, а также развернуты подводные лодки, так что сражение имеет все шансы быть нами выиграно. И еще останется резерв самолетов и пилотов, для восполнения потерь, перед развитием дальнейшим операции, в виде десанта на Хоккайдо.

– Смотрится красиво, – сказал я, – вот только у нас пока нет на Дальнем Востоке и половины предусмотренных сил. И что хуже, этих сил пока и не существует в природе – или мы собираемся полностью оголеть западные рубежи? Придется формировать новые морские полки и изыскивать для них кадры и технику.

– Вот вы этим и займитесь, товарищ Раков, – сказал Кузнецов, – а наркомат и Главный штаб ВМФ окажут вам полное содействие.

– Одно дополнение, Василий Иванович, – заметил Лазарев, – истребительные полки для ПВО баз флота обязательно должны быть морскими? Или в данном конкретном случае и сухопутные летчики и машины сгодятся?

Меня удивило, что Лазарев, моряк-подводник, казалось бы, далекий от авиационной тематики, не единожды обращал внимание на важные моменты – тактично не навязывая свое мнение, но предлагая его учесть. Как оказалось, именно он предложил сделать ставку на Ла-9 и Ла-11, «есть мнение, что товарищ Лавочкин успеет», причем рекомендовал перевооружать авиаполки уже сейчас, пока на Ла-7, «который по кабине и пилотажным характеристикам практически не отличается». Это решение оказалось правильным – даже упомянутая 7-я дивизия СТОФ, развернутая до четырехполкового состава, достигла боеготовности к маю 1945 года. Также Лазарев заметил, что мотор АМ-42, стоящий на Ил-10, пока еще не доведен, так что при длительной и интенсивной боевой работе будет большой процент небоеспособных самолетов, и надо хотя бы ремонтную базу и запас новых моторов обеспечить, «а вообще, против японцев и Ил-2 работать будут хорошо». Что тоже оказалось правдой. Лазарев умел смотреть на проблему «сверху», с точки зрения «надсистемы», как сам он говорил. И потому, даже если не знал специфики – то мог вовремя поставить вопрос перед теми, кто детально разбирался. Ясно, отчего именно его главком поставил руководить подготовкой войны против Японии на море!

А пока передо мной встала задача – воплотить эти планы в жизнь. По приезде на место был адов труд по созданию тыловой инфраструктуры. На Камчатке, для взятия Северных Курил, и обороны своей территории, нужен был полнокровный авиакорпус, в составе истребительной, штурмовой и бомбардировочной дивизий, плюс как минимум один разведывательный авиаполк. Острова Шумшу и Парамушир были мощным единым укреплением, обороняемым японской пехотной дивизией, усиленной танками, имели аэродромы, способные вместить не меньше ста самолетов. Надо было уничтожить японскую авиацию еще на земле, поддержать высадку десанта штурмовиками и пикировщиками, прикрыть все это истребителями – да еще и быть готовыми нанести удар по японской эскадре, попробуй она вмешаться! И это при том, что на Камчатке отсутствовала аэродромная сеть на столь мощную авиационную группировку, и все необходимое для боевой работы придется завозить с материка. И где выбрать места для новых аэродромов – вот, например, мыс Лопатка (крайняя оконечность Камчатки), на первый взгляд, идеальное место – всего десять километров до Шумшу, и рельеф подходящий, грунт

песок и галька, так что используя уже освоенную технологию использования металлического настила для полосы, аэродром можно оборудовать за считанные дни, да и наша воинская часть, 945-я береговая батарея там уже стоит. Действуя с этого аэродрома, наша авиация могла бы буквально висеть над головами японцев. Но – во-первых, при начале войны аэродром попадал в радиус действия японской дальнобойной артиллерии с Шумшу, во-вторых, как значилось из документа, все портовое хозяйство на батарее это крохотный причал, пригодный лишь для малых судов и катеров, да несколько сараев, в-третьих, работы непременно насторожат японцев и могут побудить их на первый удар. По размышлении, я вписал в план оба варианта – и расширение аэродромного узла Петропавловска-Камчатского, и постройку площадки подскока на Лопатке. И все это требовалось обеспечить ресурсами – выделить, доставить. А время было уже лето, и как мне объяснили, скоро начнутся осенние шторма, а строить там зимой это просто каторжная работа! И к концу весны все должно быть уже готово!

Еще труднее было на юге – поскольку там следовало считаться с массированными авиаударами с собственно Японских островов. При том, что достать до Южных Курил мы не сможем, пока не выйдем самураев с юга Сахалина. И резко возростала вероятность вмешательства японского флота, и противник на Сахалине мог «на коротком плече» получать подкрепления – значит, эту коммуникацию следовало прервать, и опять, прежде всего, авиацией. Требовалось развернуть две воздушные армии ВВС ВМФ, на Северном Сахалине и в Приморье – в составе каждой из которых должно быть по 3–4 авиакорпуса, плюс отдельные разведывательные авиapolки! Эти выкладки даже мне поначалу показались чрезмерными – но это был минимально необходимый состав сил, которыми можно было обеспечить господство в воздухе и на море. Но Кузнецов, прочтя мой доклад, лишь сказал:

– Если надо – то сделаем. Теперь это фронт. Значит, все будет!

Огромный труд лежал и на плечах московских товарищей. Как например, когда выделяли мой 12-й гвард. бап в состав Особой дивизии, и в то же время в 8-й минно-торпедной дивизии КБФ остался его «двойник». Полк разделили надвое (большинство лучших пилотов ушли в Особую), а затем каждую часть дополнили техникой и пилотами из резерва и училищ до штата (в принципе, ничего необычного – именно так восстанавливали численность после тяжелых боев, когда в строю оставалась, бывало, едва четверть прежнего состава). Но теперь предстояло провести подобную процедуру одновременно с большинством частей и соединений ВВС трех западных флотов – и со штабами тоже. На базе управлений ВВС флотов формировались штабы армий и корпусов, в состав которых входили соответствующие дивизии – что позволяло получить слаженные соединения буквально за месяц и затем спокойно переучивать их на новую технику. Хорошо, если перевооружение уже прошло (бомбардировочные полки как правило, перевооружались до передислокации и успевали на Каспии пройти курс боевой подготовки, с практическим применением КАБ на полигоне). А истребители (также иногда переучиваемые на Ла-7 на западе) обычно получали новенькие Ла-11 или Та-152 уже здесь.

Нам же предстояло обеспечить, чтобы прибывающие части немедленно включались в процесс боевой работы. Хотя еще не было войны, но обнаглевшие самураи, заметив неладное, стали посылать самолеты-разведчики на нашу территорию, причем в ряде случаев над нейтральными водами в это время патрулировали их истребители, которые при перехвате разведчика шли на помощь, в итоге с января по май в нашем воздушном пространстве произошло свыше двадцати воздушных боев, в отдельных случаях (как например, 24 апреля возле Петропавловска-Камчатского) с обеих сторон сражалось по несколько десятков самолетов! Одинадцать японских самолетов было сбито и упало на нашей территории, еще свыше пятнадцати, по докладам, «ушли над морем, с дымом и потерей высоты», наши потери – шесть истребителей, два пилота. А воздушная битва 1 мая возле Северного Сахалина? И самураи еще смели после слать нам оскорбительные ноты, возмущаясь инцидентами?!

Надо было развернуть аэродромную сеть, наладить систему материального снабжения, ремонтную базу, ПВО. При том, что например, радиотехнические батальоны, обеспечивающие сеть РЛС, ставшую уже привычной для фронтовой авиации на советско-германском фронте, совершенно отсутствовали на Дальнем Востоке, и штабы с этой техникой работать не умели! А техника считалась секретной – и надо было организовывать ее охрану и оборону от возможных нападений японских диверсантов. Немецкие самолеты и моторы были незнакомы нашим механикам – эту проблему решили с помощью «добровольцев» из ГДР. Вопреки расхожему мнению, в Дальневосточную войну 1945 года немцев не было в летных экипажах, и техники, закрепленные за конкретным самолетом, были русские, но на авиабазе, как правило, находился особый взвод или даже рота наземного авиатехнического состава (под командой нашего офицера). Поскольку ГДР к тому времени еще не была даже провозглашена и, тем более, не воевала с Японией, немцы считались вольнонаемными специалистами и получали приличную зарплату (что было одной из причин недовольства советского персонала – эту проблему пришлось решать политработникам, и даже особым отделам). Отмечу, что немецкие товарищи, наряду с профессионализмом и старанием, демонстрировали высокую лояльность СССР, по крайней мере мне не известны случаи злого саботажа, а тем более измены с их стороны. Впрочем, какие основания были у побежденных немцев любить Японию, тем более проигрывающую войну?

Я считал тогда и продолжаю утверждать сейчас, что советские самолеты ничем не уступали немецким. Авиапромышленность СССР дала нам оружие, наилучшим образом подходящее к реалиям советско-германского фронта, обеспечившее завоевание господства в воздухе и поддержку наземных войск. Истребители Як и Ла превосходили «мессы» и «фокке-вульфы», штурмовики Ильюшина вообще не имели аналогов в мире, пикировщики Пе-2 справлялись с боевой работой лучше немецких «штук». Сложнее было с дальними бомбардировщиками – впрочем, и у немцев «юнкерсы» и «хейнкели» к концу войны очень редко появлялись в небе. Ту-2 так и не стал преобладающим типом, и был больше «заточен» на работу по фронту и ближнему тылу врага. Дальняя авиация имела уже устаревшие Ил-4, американские В-25, переоборудованные транспортники Ли-2 и «дугласы», и очень небольшое количество четырехмоторных Пе-8 и «ланкастеров». Морская ударная авиация Северного, Балтийского, Черноморского флотов успешно воевала на Пе-2, Ту-2 и «бостонах». Но Тихий океан, как уже было сказано, предъявлял совсем другие требования по дальности – а управляемое бомбовое вооружение требовало роста боевой нагрузки. И тут бомбардировщики До-217 и He-177 оказались очень к месту, дополнив машины советских моделей!

Флот во всем шел нам навстречу. Помощь его была неоценима – достаточно сказать, что к многим местам, выбранным под строительство аэродромов, размещения РЛС, зенитных батарей, можно было добраться лишь по воде, сухопутные дороги совершенно отсутствовали в непроходимой горной тайге. Часть работы по заброске грузов и людей взяла на себя транспортная авиация – была сформирована новая дивизия, причем матчасть ее составляли немецкие же Ю-52 (ценное качество этого самолета, его трудно поломать даже при грубой посадке на необорудованную полосу). Были и транспортные эскадрильи на гидросамолетах, в большинстве «каталинах». А главную тяжесть вынесли на себе солдаты строительных частей – как правило, старших возрастов, негодные для фронтовой службы, низкий поклон вам, за ваш незаметный труд, без которого бы не было Победы!

В мае сорок пятого в состав авиации флота входило 3860 самолетов. И это все были новые машины – Як-9У, Ла-11, Т а-152, Ил-2М, Ил-10, Ту-2, Пе-2И, «бостоны», До-217, He-177. 9 мая года я доложил командующему ТОФ Лазареву, что авиация флота полностью развернута и к работе готова.

До начала войны остались считанные недели.

Лазарев Михаил Петрович. Конец июля – август 1944 года, Северодвинск (Молотовск)

Только долетели – сразу закрутили дела. Доклад Петровича, остававшегося за меня, и Сирого, по механической части – происшествий не случилось, корабль в исправности... и что дальше?

Проблема была, что почти два года, как мы сюда провалились, то гоняли технику на износ. Единственная атомарина в ВМФ СССР, в тяжелейшее для страны время – шестнадцать боевых походов, в том числе четыре (если самый первый тоже считать) дальних, три в Атлантику и один в Средиземку. С такой интенсивностью даже дизельные лодки в эту войну не эксплуатировались – хорошо, что мы сюда прямо после капитального ремонта попали, а Серега Сирий мех от бога, почти все время на борту, и наверное, спит вполглаза, ну и везение конечно, что как-то без серьезных аварий обходилось (если не считать лопнувшего дюрита на турбогенераторе в прошлом году). И вот, когда шли из Средиземки домой, случилось – утечка радиации на первом реакторе! И хорошо еще, что не внутри, куда с технологиями этого времени не добраться никак, а там, где сумели отключить, заделать, до Севмаша дошли, здесь заварили качественно. Но Серега честно сказал:

– Командир, я не волшебник. Не могу дать никакой гарантии, что завтра еще где-нибудь не накроется. Если Родина прикажет, пойдем куда надо – но это будет лотерея.

А Родине очень надо. Война в Европе завершилась – но лишь дурак и слепой не поймет, что как и в той истории, мы японцам прощать не собираемся ничего. И тот разговор с Кузнецовым – да просто, политработников послушать, куда пропаганда народное мнение толкает. В той истории, откуда мы пришли, роман Степанова «Порт-Артур», впервые опубликованный в сорок втором, Сталинскую премию получил в сорок шестом. Здесь – уже есть и награда, и огромный тираж, и что серьезно, внесение в список «рекомендовать для политработы в войсках». Политорганы еще с весны стараются, мероприятия проводят – что самураи это такие же фашисты, только желтокожие. Что они уже триста лет точат зубы на богатства нашей Сибири, и когда вторгались в Корею и Китай еще в веке семнадцатом, то это по замыслу были лишь промежуточные пункты ихнего дранг нах до Урала. И сейчас они собирались на нас напасть вместе с немцами – но сначала подбиранием бесхозного увлеклись, Гитлер ведь Францию и Голландию завоевал, их колонии без защиты остались – ну а после стало ясно, что от нас можно и по мордам, как на Халхин-Голе, Сингапур штурмовать куда безопаснее. Но стоит у наших границ миллионная Квантунская армия, до зубов вооруженная, в полной готовности, и такие там вояки, что своей же власти в Токио мятежом грозят, если те им не разрешат с нами воевать. А пока на нашей дальневосточной границе творится такое, что терпеть никак невозможно, а на море нас японцы вообще не ставят ни во что – терроризируют наших рыбаков, а торговые суда, идущие через Курильские проливы, останавливают и досматривают по своему желанию.

На советском пароходе
Под ружьем чужой отряд.
По каютам люди ходят,
По-японски говорят.

В трюме, щелкая замками,
Отпирают сундуки.
Там японскими штыками
Рвут советские тюки,

Бочки, ящики вскрывают,
Документы проверяют.

Весь, как сморщенная слива,
И на все на свете зол,
Сам полковник Мурасива
Составляет протокол¹⁵.

Лично меня убеждать не надо – в том, что самураи (по жизни, а не по киношной романтике) сволочи первостатейные. Даже при том, что нет сейчас в Японии фюрера, нацистской партии, СС – а фашизм есть, и самый натуральный. Как еще назвать идею о мировом господстве желтой расы – внутри которой, в свою очередь, японцы выше всех прочих? Можно тут оправдываться, что Япония себя банально не может прокормить (население числом в пол-России, а территория? Да еще три четверти – бесплодные горы!), и еще в начале двадцатого века в японских деревнях была сплошная «нараяма», когда стариков отвозили в лес умирать, чтобы не кормить зимой. И что японцы успели насмотреться на европейских колонизаторов еще в Китае, и оттого не питали к белой расе никаких симпатий. Но вот реально имеем сейчас нацию-отморозка, помешанную на идее завоеваний.

На Дальнем Востоке акула жила,
Дерзнула напасть на соседа кита.
Сожру половину кита я,
И буду, наверно, сыта я.
Потом отдохну, а затем —
И все остальное доем.

Это еще Утесов пел, в тридцатые – все правильно, так и есть! И в Гражданскую японцы, в отличие от прочих интервентов, не помародерствовать на нашу землю приходили, а серьезно собираясь урвать кусок до Байкала – как до того проглотили Корею, а после Маньчжурию. И кто-то думает, что с такими можно договориться по-хорошему? Нет – дурь придется силой выбивать, и через колено ломать – и тогда лишь, когда буйных перебьют, может и станут японцы белыми и пушистыми, на какое-то время – с самурайской экзотикой и фильмами про идеальных героев. Сломать их силу, стереть в порошок – и лишь после заняться воспитанием тех, кто уцелеет. Мы ведь не звери, и не будем с вами – как вы в нашем Приморье в двадцатом. Смотрел я фильм «Сергей Лазо» – если бы не раскосые рожи и японские мундиры, то все как в Белоруссии в эту войну, эсэсовская зондеркоманда в партизанской деревне! Счет у нас к вам, пока неоплаченный, за те ваши зверства, а еще за Порт-Артур и Цусиму. Русские – всегда за своим долгом приходят!

Пока у нас же с ними Пакт о ненападении, до апреля сорок шестого. И американцы от графика иной истории отстают – правда, теперь они на Японию всеми силами навалятся, развязавшись с Европой, так что не позавидую самураям. Но вот Бомбы у них к августу сорок пятого точно не будет – слышал намеки от Курчатова, что «Манхеттен» задерживается минимум на полгода, так что выходит за океаном Лос-Аламос к январю сорок шестого, а две боеголовки к весне. И Марианские острова не взяты еще (а ведь там Японию бомбить с Тиниана летали, нет пока в этой реальности у них в Китае авиабаз). То есть и массированные бомбежки начнутся не с осени этого года, а уже в следующем, сорок пятом. Значит и у нас есть время лучше подготовиться – и не только на Дальнем Востоке! Пока Япония не капитулировала, аме-

¹⁵ С. Михалков.

риканцам с нами ссориться невыгодно, а значит, особых неприятностей и в Европе нам от них не будет. И ленд-лиз продолжает идти, что тоже немалая польза.

– В августе следующего года и начнем, куда спешить? И главное, зачем – никуда самураи от нас не денутся.

– Осенью там воевать не очень: сезон тайфунов. Даже на суше, все дороги – болото. Это там нам спешить приходилось, пока союзники без нас не обошлись, и попробуй получи с них наши Курилы! А тут можем хоть до весны сорок шестого ждать, как пакт завершится.

Такие вот разговоры у нас в кают-компании были. Когда уже здесь, в Северодвинске, смотрели фильм «Цусима» (вот не помню я такого в той истории, про «Варяг» что-то было снято, сразу после войны, а такого не было!). И оценили, на свой военно-морской глаз – по реквизиту особых вопросов не возникло, очень похоже выглядело, для съемок броненосцы и крейсера делали из моторных баркасов, лепили поверх полное макетное сходство, а внутри экипаж в двое-трое человек, и стрелять холостыми это могло, и изображать «попадания» зарядами черного пороха, и трубы дымили – так снято, что и не отличить. Но вот о чем снимали – это даже у нас, многое повидавших и в меру циничных, однако же знающих военно-морскую историю, челюсть отвисала. Это надо же, такую агитку сделать!

В Цусимском проливе далёком,
Вдали от родимой земли,
На дне океана глубоко
Забытые есть корабли.

По фильму, на Тихоокеанской эскадре, оказывается, была большевистская подпольная организация! Про то даже Новиков-Прибой не писал – и ведь не поверят, времени прошло еще не так много, свидетели еще живы! А впрочем, отчего бы и нет – ведь живет же миф восстания на «Потемкине», что там вожаки, Вакуленчук и Матюшенко, были большевиками. И что началось там все с протухшего мяса, которое драконы офицеры хотели скормить команде – кто это сочинил, совершенно не знал реалий Российского Императорского флота, в котором мясо на корабли не выдавалось со склада каким-то тыловым чином (кто запросто мог и гнильё лопухам всучить, или не лопухам, но «за откат»), а закупалось у гражданских лиц корабельными ревизорами, совершающим это не в одиночку, а в сопровождении баталера, коков и выборных (самими матросами) артельщиков. То есть не офицеров, а матросов-срочников, кому и самим это мясо жрать, и в один кубрик после идти, с братвой, которую они только что накормили гнильем – что бы с ними сделали, представляете? «У вас несчастных случаев не было – будут!» И кстати, мясо при покупке на «матросские» и «офицерские» куски не делилось, в отличие от Роял Нэви и Кайзерфлотте тех же лет (где питание офицеров и нижних чинов было совершенно раздельным). Причем что интересно, и командир броненосца каперанг Голиков всего за два года до того имел дело с точно таким же случаем – когда командовал еще не «Потемкиным», а «Березанью». Во время похода мясо, провисевшее на солнце пять дней, испортилось, и матросы отказались его есть, открыто проявляя неповиновение. Так Голиков приказал выдать на камбуз новую провизию, и инцидент был исчерпан – никого после не расстреливали, и даже в карцере не держали. А тут вдруг решил позверствовать, непонятно с чего? Да, матрос Матюшенко тогда как раз на «Березани» с Голиковым служил – уж не он ли про мясо и придумал? Кстати, тот же Матюшенко, будучи за границей, откровенничал: «у нас заранее было расписано, кому из команды кого резать, так что тот борщ лишь поводом был». Непохоже на стихийный бунт?

А приказ Голикова о расстреле зачинщиков ни в какие уставы не лезет. Тогда даже по законам военного времени расстрелять без суда можно было лишь шпионов. Ну а Черноморский флот на военное положение не переходил, и действовали там «мирные» нормы. По кото-

рым за всего лишь дисциплинарный проступок, «отказ от приема пищи», это даже под «нарушение боевого приказа» не подвести, массовая смертная казнь не положена никак. За такое с Голикова как минимум бы погоны с орденами содрали и пинком с флота, без пенсии и мундира. Но кто будет читать пылящиеся в архивах подлинные документы следственного дела о «потемкинском бунте» (да, сохранились, и доступны!)? А там есть прелюбопытнейшие вещи, как, например, упоминание о неких «членах революционного комитета товарище Кирилл и студенте Иванове», которые как раз и отдавали приказы, которые Матюшенко и прочие «активисты» спешили исполнить. Гражданские на боевом корабле? Так броненосец еще находился в достройке и наладке – достоверно известно, что на борту были несколько десятков мастеровых и техников с николаевских верфей (практика, весьма распространенная и на только что принятых кораблях советского ВМФ). Чьими же они были людьми, какой партии? Точно известно – не большевиками, поскольку Ленин, узнав об уже начавшемся бунте, срочно послал в Одессу своего эмиссара, Васильева-Южина, который на броненосец не попал.

Имена этих товарищей позже стали общеизвестны. «Кирилл» – Анатолий Бржезовский (Березовский), «Иванов» – Константин Фельдман, в пятом году оба числились меньшевиками. Так отчего бы их не вписать в легенду вождями восстания, а заодно и в большевики зачислить, чем они хуже матроса Матюшенко? Тем более что Фельдман при советской власти сделал карьеру, стал членом Союза писателей, и даже снялся у Эйзенштейна в том самом кино. И Бржезовский тоже после семнадцатого года стал «писателем, агрономом, советским деятелем». Биографии их опубликованы, и там даже упоминается, среди прочего, мелким шрифтом, что они на «Потемкине» были и участвовали. Вот только следственные документы говорят однозначно, они там приказывали, разница есть?

Причина скрывать участие этих товарищей? А вспомните поздравления японскому микадо «за победу японского оружия», посылаемые отдельными прогрессивно мыслящими представителями русской интеллигенции! Причем есть данные, что старались они не сами (хотя истинный русский интеллигент своему правительству и за бесплатно рад навредить), а по наущению японской и британской разведки (в те годы японцы и англичане это лучшие союзники и друзья). Так есть подозрения, что и эти два товарища тоже... а отчего им при советской власти это не припомнили? Так тогда миф пришлось бы разрушить, а это не есть хорошо. Да и за что собственно их репрессировать – если они, по партийной дисциплине, выполняли спущенный сверху приказ, ведь британцам куда легче было не на исполнителей выходить, а на вождей, как раз в Лондоне тогда и укрывавшихся от гнета самодержавия.

Какое отношение имеют японцы к бунту на «Потемкине»? Так по словам Саныча, мало того, что они отметились тогда в поддержке революции пятого года, еще и англичане были ведь с самураями заодно! И красный флаг над мятежным броненосцем имел цель исключить даже теоретическую возможность сформировать еще одну Тихоокеанскую эскадру, из Черноморского флота, даже если бы удалось продать от турок пропустить ее через Проливы. Саныч, еще в конце девяностых, будучи в Питере, имел доступ в Главный военно-морской архив, да и после статья была, в каком-то журнале¹⁶. А теперь сравните с мифом, запущенным уже в двадцатые, когда события были совсем уж свежи! Так отчего бы на эскадре Рождественского не могло быть глубоко законспирированной большевистской организации? Кто-нибудь может достоверно доказать, что это не так? И если теперь политически правильным признан патриотизм – то кто еще, кроме матросов-большевиков и сочувствующих им офицеров мог бы оказаться в фильме подлинными героями, готовыми умереть за Отечество?

Когда засыпает природа
И яркая светит луна,

¹⁶ Семенов. История бунта на «Потемкине».

Герои погибшего флота
Встают, пробуждаясь от сна.
Они начинают беседу,
И, яростно сжав кулаки,
О тех, кто их продал и предал,
Всю ночь говорят моряки.

Знаю, что адмирал Рожественский не был предателем, продавшимся за японское золото, – но это считалось общепринятым в двадцатые-тридцатые, мне Видяев рассказывал, как ему про то в училище говорили. И в фильме в поражении виноваты изменники и японские шпионы – как там некий подозрительный тип азиатской внешности платит российским фабрикантам, «чтобы снаряды не взрывались», а те тут же бросаются подсчитывать барыш. А еще англичане – поскольку, оказывается, на каждом японском корабле был советник из Роял Нэви (что отчасти, правда, не на каждом, но были), который мог приказывать даже командиру (а это бред!). И вроде как раз в ту войну зверств к пленным было мало – а на экране японцы наших тонущих рубят винтами и расстреливают из пулеметов (с недавних «подвигов» фашиста Тиле списано?), а британец это фотографирует. Как и последующие забавы самураев, показывать на наших все же спасенных – приемы фехтования и остроту мечей. И вообще, как там изрекает адмирал Того: «Аматерасу отдала эти моря и земли в наше владение – и все прочие, кто там сейчас живут, должны или умереть, или уйти». А в Петербурге в это время празднуют какие-то именины кого-то из царской семьи, и Николай Второй делает в дневнике обычную запись: «день прошел обычно, я стрелял ворон». Ну а Цусима всего лишь досадное недоразумение, завтра о том забудем. «Царизм оказался неспособен решить задачу обороноспособности своей страны. Но пусть Япония не очень-то бряцает оружием. Она победила не Россию и русский народ, а насквозь прогнившую и предательскую царскую власть». Слова, сказанные в финале одним из героев, кто остался в живых и который, по намекам, «уйдет в революцию».

И шумом морского прибора
Они говорят морякам:
«Готовьтесь к великому бою,
За нас отомстите врагам!»

Вопреки исторической правде? Так сколько уже было мифов, тех же самых времен – запущенных, когда было полно живых свидетелей? И оказавшихся поразительно живучими, потому что отвечали политическому моменту, и так действительно могло быть. Что Каплан (в жизни слепая, как крот) стреляла в Ленина, причем отравленными пулями. Что матрос Железняк был большевиком (а не анархистом). Что Чапаев утонул в реке Урал (а не умер от ран на берегу и был похоронен). Что Ленин укрывался в Разливе в шалаше один (а не вдвоем с «политической проституткой» Зиновьевым). Чем это хуже легенды о большевиках на цусимской эскадре? В то же время мы на удивление легко забываем чужое зло, будто его не было никогда. Помнит ли кто про английский концлагерь на нашей земле, остров Мудьюг, девятнадцатый год? А как в том же году британцы травили наших газами, в Карелии, у водопада Кивач? Про зверства японской военщины на нашем Дальнем Востоке в Гражданскую? Так что – равновесие, господа, и вы вылили на нас столько лжи, что не вправе обижаться, когда и мы сочиним про вас агитку, пусть и имеющую малое отношение к исторической правде. Для эффективного поднятия боевого духа личного состава – если благодаря ей боевая задача будет выполнена успешно и с меньшими потерями, то большего и не надо! Ну а после можно фильм и на полку положить, как детище эпохи. Интересный вопрос, правда самоценна – или же она не более чем средство для достижения главной цели, счастье и выживание нации?

– Ну, это слишком, командир, – возразил тогда Сан Саныч, – так можно договориться, что и Геббельс был прав!

– Нет, – отвечаю, – пропаганду можно считать, как взятие кредита доверия у народа. Сумел оправдать, даже солгав «во благо», тебе простят, победителя не судят. А не сумел, тогда предъявят к оплате, и с процентами – вообще верить перестав. Геббельс на том и погорел: нельзя же бесконечно поражения за победы выдавать! А тут – мы же знаем, чем завершится эта война, там за месяц управились, здесь вряд ли провозимся дольше. Ну а после – пусть битые самураи доказывают, как Керенский, что «я в женском платье не бежал», кто их станет слушать?

– На суше управимся, – заметил Саныч, – а вот на море будет проблема. Там, в августе сорок пятого японского флота по сути уже не существовало. А здесь он пока что даже после всех потерь вполне сравним, например, с британским. И что от него останется к следующей весне, это большой вопрос! И нас там нет.

План перехода «Воронежа» на Тихий океан существовал еще с весны. Подо льдами Арктики – в принципе, наши атомарины такое совершали, вот только давали за то командирам в мирное время боевые ордена! Уж очень гидрология там поганая, особенно на подходах к Берингову проливу, и мелководье, буквально на брюхе ползти между льдами и морским дном. Если случится что – тогда песец, помощи там даже теоретически ждать неоткуда. А теперь еще эта авария с реактором, и насколько она серьезна, никто в этом времени не мог дать ответ определеннее, чем Серега Сирый, а его мнение уже озвучено, и московским товарищам известно.

– Приказ поступит, придется идти. Но лично я никакой гарантии не дам, что дойдем. По хорошему, после такой эксплуатации нам заводской ремонт энергоустановки нужен, в нашем времени. Здесь на Севмаше сделали максимум, что реально возможно – рентгеном просветили все, до чего смогли добраться, корпус нормальный, по арматуре нашли еще пару подозрительных мест, усилили и подкрепили. Но в реакторы влезть тут нельзя никак, и что там внутри, один Аллах ведает – сдохнуть может в любой момент. А это абсолютно реальный шанс в следующем выходе превратиться в настоящего «летучего голландца», мертвого и радиоактивного. Если работать накоротке, в Баренцевом и Норвежском морях, вблизи наших баз, то есть шанс, если что и случится, аварийный реактор глушить, тянуть домой на одном борту¹⁷. Под многолетними льдами – лишь молиться богу Нептуну.

Лично для меня оба варианта – командовать «Воронежем» или принять предложение Кузнецова – были равноценны. Тут и русский «авось» присутствовал, ну продержится техника еще недели две перехода, если до того работала месяцами – нам лишь бы подо льдами проскочить! И удовлетворение, что историю мы уже повернули по-крупному, и назад никак уже не открутить – так что и помирать не страшно, хотя жить, конечно, очень хочется. И желание довести боевой счет до сотни, а то все цифра «92» на рубке, а хотелось бы трехзначное число побед? Ну и наконец, хоть один полноценно утопленный вражеский линкор – а то недоразумение какое-то получается, «Тирпиц» англичане успели дотопить, «Айову» в официальный список включать никак нельзя, «Страсбург» флаг спустил, наши в Специю успели утянуть, «Шарнгорст» вроде как недомерок какой-то, а вот «Ямато» бы потопить или сразу оба этого типа? Ведь силен пока еще японский флот, даже очень – и пожалуй, по-прежнему сохраняет третье место в мире, после янки и англичан. И сколько там жирных мишеней? А главное, для меня роль командира атомарины была привычнее, чем работа комфлота, вести в бой разнородные силы флота этих времен – если не справлюсь, доверие не одного Николая Германовича, но и самого товарища Сталина не оправдаю, а это не дай бог!

¹⁷ На АПЛ пр. 949 было два реактора, два турбогенератора, два гребных вала.

12 августа прилетел сам нарком ВМФ, со свитой. Выслушали меня и Серегу Сирого, осмотрели «Воронеж». 14 августа было объявлено, что атомарина остается на Севере – ну а вам, товарищ Лазарев, надлежит расти и расти.

– Что же до К-25, то не одним же американцам «альбакары» строить? Поработаете теперь на благо товарищей конструкторов.

«Альбакор» это была экспериментальная подводная лодка ВМС США, построенная в нашей истории в пятьдесят третьем, исключительно для выбора оптимальной формы корпуса будущих атомарин. Еще дизель-электрическая, она своими обводами уже атомарины напоминала – сигара, крестообразные рули, скругленный нос, соосные винты на заостренной корме. В процессе службы перестраивалась пять раз, не считая мелких изменений. Именно эта лодка, не несущая никакого вооружения, дала американцам бесценную информацию, позволившую развернуть строительство атомарин. И сама по себе была уникальным объектом: тридцать семь узлов (в последнем варианте) для неатомной лодки, при размере в полторы тысячи тонн, это нечто невероятное! Альбакоровские обводы стали типичными для подводных лодок конца двадцатого века. Мы же не гордые, к мировой славе не стремимся – если благодаря нам советские атомарины с самого начала будут иметь лучшую гидродинамику, значит задачу мы выполнили полностью.

И было у нас перед американцами еще одно преимущество (пока еще живы наши компьютеры). Так называемый «метод сеток», применяемый для расчета гидроаэродинамики тел сложной формы – если объяснять очень коротко, то поверхность объекта разбивается на множество элементарных плоских фигур (обычно треугольников), для каждой из которых решается система уравнений относительно распределения скоростей и давлений среды, причем численные решения на границах смежных фигур должны быть равны. Именно так в конце века считались формы хоть атомарин, хоть истребителей Миг и Су – так как число расчетных треугольников могло измеряться сотнями и тысячами, то задача практически не решалась вручную, трудоемкость зашкаливала за все мыслимые пределы. А у нас сейчас открывалась возможность, с помощью полученных на нас опытных данных (для чего на корпус «Воронежа» устанавливали множество датчиков) и их компьютерной обработки, составить расчетную математическую модель и для формы, отличающейся от нашей, – то есть для общего случая быстрородных подлодок! Конечно, многое можно определить на модели в опытовом бассейне, но к сожалению, не всё. А тут такой подарок судьбы – винторулевая группа в натуральную величину, меряй – не хочу. И Перегудов буквально вцепился в такую возможность.

Так что на «Воронеже» кипит работа. Предстоит установить на корпус целую сеть датчиков (и задача, как это сделать, чтобы покрытие не повредить, и чтобы встречным потоком не сносило, и конечно, все это надежно работало). Ну а после, лишь принять на борт команду ученых с их аппаратурой и составленной программой испытаний, и в море! С нами «Куйбышев» и «Урицкий», в иной истории быстро списанные с окончанием войны, здесь как вторую молодость обрели – поскольку боевая ценность «новинов» постройки шестнадцатого года была уже невелика, и они могли без проблем изъять из «первой линии» флота, но в то же время имели тридцатиузловый ход, достаточный, чтобы сопровождать нас, а новейшие гидролокаторы «тамир» и на старичков поставить не проблема. Выйдем в точку, самый глубоководный район Белого моря – товарищи ученые, задавайте режим: скорость, глубина?

А на восток пойдут другие. Первые две «613-е» на Севмаше уже спущены, достраиваются у стенки – на стапелях собираются еще две. Но если они и пойдут на Тихий океан, то лишь в следующем году. Зато готов отряд из больших лодок, назначенных к переходу по Севморпути: четыре «катуши» котельниковского дивизиона. Лишь К-21 отчего-то остается здесь. И ведь это те самые лодки, которые в нашей истории не дожили до Победы – там К-1 пропала без вести в Карском море осенью сорок третьего, К-2 погибла в октябре сорок второго, К-3 и К-22 не вернулись из походов весной сорок третьего. Но благодаря нашему вмешательству,

морская война на севере приобрела совсем иной вид. И «катюши» совсем иные, чем были у нас – имея новые гидро- и радиолокаторы, приборы управления торпедной стрельбой, управляемые и самонаводящиеся торпеды, и часть механизмов на амортизаторах. Так как японское ПЛО заметно уступало и немецкому, и американскому – то на эту войну старых лодок должно еще хватить. Ну а мы так и останемся, до сотни счет не добрав.

Ничего – «альбакор» в строю до 1972 года был! Может и доживем до поры, когда тут научатся настоящее ТО нам делать. А раз технически мы будем вполне на уровне до конца века – то возможно, и успеет еще наш «Воронеж» повоевать. Ведь мы-то знаем, что вечного мира и разоружения на нашей памяти – точно не будет! А как сказал еще Ильич, любая мечта стоит ровно столько насколько, сумеет себя защитить.

– Михаил Петрович, пары выходов вам хватит для аттестации вашего помощника на место командира корабля? – спросил Кузнецов. И возвращайтесь в Москву, в наркомат, больше вам на севере делать нечего. А дальше – лететь вам на ТОФ!

«О положении на Тихоокеанском театре военных действий». Аналитическая записка, с подписью «Н. Ш.». Для Государственного Комитета Обороны СССР

Важнейшее влияние на образ действий японцев в этой войне оказал факт незавершенности их перехода к капитализму.

Несмотря на то что в ходе революции Мейдзи самурайство подверглось значительным ограничениям, принижению своих формальных прав, и даже, частично, физическому истреблению – феодально-клановая система японского общества в целом осталась без изменений. В отличие от США и капиталистических стран Европы, где военщина это выходцы из класса буржуазии и обуржуазившейся аристократии, обслуживающие интересы своих классов, в Японии реальная власть находится в руках феодальной по сути военщины, по отношению к которой группы капиталистов, «дзайбацу», играют подчиненную роль. Этот порядок освящен веками – даже если самурай экономически зависит от торговца, он все равно стоит по положению гораздо выше его. Отсюда следует:

Первое – узкий военный кругозор. Явный приоритет поля боя над интересами тыла. Тотальный характер современной войны не то что неизвестен, но явно недооценивается. Тем более что Япония, в отличие от европейских стран, получила весьма специфический опыт прошлой Великой Войны, когда мобилизация тыла не проводилась, а кампания против войск первоклассной европейской державы (Германии) была короткой и победоносной. Как и русско-японская война, и военные действия на нашем Дальнем Востоке в Гражданскую, и захват Маньчжурии – все это были операции, не требующие мобилизации всего народного хозяйства. Война в Китае имела более затяжной характер – но опять же, не чрезмерно затратной, с обеспечением ее в военно-экономическом плане в целом, справлялся промышленный комплекс в Маньчжурии.

Это вызывает недопустимые ошибки в военной организации, применительно именно к тотальной войне. Наиболее вопиющие – это отсутствие брони даже для высококвалифицированных рабочих военной промышленности. Равно как и пренебрежение развитием военно-промышленной базы – катастрофическое отставание в производстве не собственно вооружения, но станков и машин. Боевая подготовка (прежде всего в авиации), рассчитанная на сверхмастеров, с отсевом массы «среднячков», усугубленная безобразным состоянием спасательных служб. В целом вся военная машина японцев рассчитана на «блицкриг», сокрушительный первый удар, для которого в наличии есть и великолепно обученные люди, и удовлетворительная техника, и достаточные запасы. После чего предполагается, что противник поспешит заключить мир, решив что отвоевывать потерянное будет слишком затратно. Что будет, если война затянется – этот вопрос истинный самурай даже не задает, «все в руках богов, сначала ввяжемся в бой, а там будет видно».

Второе – группировки, контролирующие армию и флот, находятся в постоянной вражде друг с другом! Ставя собственные интересы даже выше интересов Японии в целом – вернее, считая, что «я лучше вижу, что нужно Японии». Ну а микадо (обычно этот титул переводится как «император», но если сравнить с Европой, где императором изначально называли военного вождя, то в Японии это больше подходит как раз сегуну, а микадо более близок к первосвященнику, синтонистскому папе, по аналогии с католицизмом) с придворной аристократией стал верховным арбитром и посредником, улаживающим разногласия. Здесь все сильно зависит от личностей, как и подобает строго иерархичному японскому порядку – бывает, что последнее слово, право высшего решения, принадлежит не микадо, а более сильной фигуре из его приближенных – так сейчас эта роль по существу остается за маркизом Кидо, а Хирохито лишь одоб-

ряет его решения. О степени названной вражды говорят события офицерского мятежа февраля 1936 года – когда группа младших армейских офицеров при попытке переворота захватила центр Токио, убивая неугодных им государственных деятелей. Это делалось при неприкрытом потворстве высшего руководства армии, фактически отказавшегося выполнять свои прямые обязанности по подавлению мятежа. Тогда командование флота, разъяренное убийством трех своих адмиралов, ввело тяжелые корабли в Токийскую бухту и высадило десант морской пехоты, адмирал Енаи подготовил похищение императора из дворца. Страна стояла на грани гражданской войны, предотвратить которую удалось благодаря маркизу Кидо, сумевшему охладить горячие головы с обеих сторон, и, продавить прямой приказ микадо мятежникам капитулировать. Через три года, во время боев на Халхин-Голе, флот не только не считал нужным хотя бы изобразить какую-то активность на наших дальневосточных рубежах, но и не скрывал откровенного злорадства по поводу разгрома Красной Армией группировки генерала Камицубара. Теперь же, по имеющейся у нас информации, доходит до того, что армия сама заказывает промышленности (и в дальнейшем держит под своим командованием) эскортные авианосцы и транспортные подлодки, для снабжения островных гарнизонов, ей это проще, чем взаимодействовать с флотом – более наглядного примера «боевого содружества» и представить сложно!

Можно сказать, что армейцы, видящие направление японской экспансии на север и запад, в Китай и на наш Дальний Восток, настроены гораздо более антисоветски, чем флот, считающий более предпочтительным агрессию на юг (голландская Ост-Индия, Индокитай, Филиппины). Однако это нивелируется тем, что в японской армии до сих пор помнят Халхин-Гол, что заставляет относиться к советской военной мощи с осторожностью – а в японском флоте искренне считают, что со времен Цусимы ничего не изменилось, касаясь наших и их военных возможностей (к сожалению, они отчасти правы, учитывая соотношение сил нашего ТОФ и ВМС Японии). Потому ни о какой «просоветской» дипломатии с их стороны не может быть и речи в настоящий момент.

Пока что положение на Тихом океане в целом соответствует тому, что Япония ожидала получить, начиная войну. Обширные территории с богатыми ресурсами и многочисленным населением захвачены и удерживаются, создан оборонительный периметр, несмотря на отдельные неудачи (Мидуэй). В Токио все рассчитали верно, кроме одного – англо-американцы не собираются заключать мир! И сразу сила становится слабостью, поскольку осваивать, переаривать завоеванные территории предполагалось уже в мирное время, пока же идет война, они больше требуют затрат, чем приносят прибыль. И нет ресурсов для их экономического освоения, нет даже торгового тоннажа, обеспечивать связность захваченных земель в должной мере.

Зато в полной мере проявляется характер тотальной войны. Мидуэй был неудачей местного значения – но стратегическим результатом была гибель лучших пилотов палубной авиации Японии, потеря, возместить которую самураям не удалось до сих пор и вряд ли удастся. Так же и два штурма Таравы, Кваджалейн, Маршалловы острова были не более чем боями местного значения, но практическим результатом их стала не утрата еще нескольких островов, с весьма малочисленными гарнизонами, а катастрофическое перемалывание японского флота, а особенно авиации. И неравенство сил будет дальше лишь нарастать – так, против девяти японских линкоров (и в перспективе, в постройке – один лишь «Синано», о котором имеются сведения о перестройке его в авианосец) ВМС США имеет пятнадцать, считая восстановленных перл-харборских утопленников (и на стапелях еще один, «Кентукки» типа «Айова» и шесть еще более мощных «Монтан» – включая «Иллинойс», первоначально запланированный как «Айова», но перезаказанный уже как «Монтана»). По авианосцам соотношение еще более катастрофичное – японцы имеют всего три в строю, «Секаку», «Дзуйкаку» и только что вступивший «Тайхо», плюс два нового типа «Унрю» и «Амаги» завершают курс боевой подготовки, «Кацураги» только что принят флотом, и еще три в постройке. В то время как у аме-

риканцев в строю восемь новейших «Эссексов», плюс довоенные «Энтерпрайз» и «Саратога», итого десять – и в постройке целых пятнадцать «Эссексов», причем вступление в строй четырех ожидается в ближайший месяц-два. Также на стапелях у них три «Мидуэя», корабли абсолютно нового типа, «линейный авианосец», с авиагруппой в полтораста машин (у «эссексов» по девяносто). Это лишь авианосцы основного класса – имеются еще семь легких, тип «Индепенденс», перестроенные из крейсеров «Кливленд». Есть сведения, что из этих крейсеров, общим числом в серии, согласно выданному верфям заказу, пятьдесят две единицы (считая девять, достроенных как авианосцы) запланированы к подобной смене класса еще около двадцати. Также есть большое количество эскадренных авианосцев, из которых наиболее крупные и быстроходные, тип «Комменсмент Бай», заказанные в количестве двадцати семи единиц, занимают по сути промежуточное положение между собственно эскадренниками и легкими, имеют авиагруппу в тридцать самолетов, как «индепенденсы», и могут быть использованы не только для охраны конвоев, но и поддержке десантов, подобно тому, как при битве за Кваджалейн были задействованы корабли типа «Касабланка». Итого, если учесть что планы США относительно войны на Тихом Океане включают в себя и 1946 год, то на этот период против десяти японских авианосцев (при идеальных условиях отсутствия потерь) американцы готовы выставить пятьдесят пять, и еще свыше ста эскадренных. Таким образом, чтобы просто выстоять, японцам нужно за два года одержать десять побед с соотношением потерь лучшим, чем при Мидуэе – пять утопленных кораблей противника за один свой. Что представляется абсолютно невероятным.

Резюме: следует ждать, что к лету 1945 года, если сражения на оборонительном периметре продолжатся с той же интенсивностью, ВМФ Японии будет в значительной степени уничтожен. Что создаст благоприятные условия для нашего занятия Южного Сахалина, Курильских островов и десанта на Хоккайдо.

Анна Лазарева. Северодвинск (Молотовск), конец июля – август 1944 года

Ну вот, наконец гавань! Лючия на меня, как на «морскую волчицу» смотрит – и ведь не расскажешь же девочке, что я еще с прошлого года, как меня к Проекту прикомандировали, старалась «оморячиваться», хотя бы так – если по службе надо в Архангельск, то не по суше, а катером, миль тридцать по Белому морю и Северной Двине, и обязательно не в каюте, а наверху. Ну если только не совсем штормит, тогда даже из экипажа наверху лишь те, кто заняты конкретным делом. Хоть не укачивает меня теперь, и вида волн не боюсь – а как в самый первый раз страшно было! Вот только ветер несносный – что с прической делает, никаких слов нет!

У моего Адмирала сразу множество дел по службе нашлось, ну а мне, после доклада от Ленки, что тут без меня произошло, первая забота ввести итальянку в наш круг. Нет, обижать бы ее не стали, да и не такой она человек, чтобы ее обидеть можно – но не нужен нам разлад в нашем дружном коллективе. Потому я отрекомендовала:

– Товарищ Лючия Смоленцева, жена хорошо тебе знакомого Юрия Смоленцева, уже гвардии майора и дважды Героя. Партизанка гарибальдийских бригад, имеет спецподготовку, боевой опыт и лично убитых врагов. Будет исполнять обязанности моего адъютанта и телохранителя. Ну а ты, Ленка, была и остаешься моим заместителем по организационной части. И прошу тебя, как подругу – помоги человеку в курс дела войти!

Ленка кивнула – сделаю! На Лючию взглянула с любопытством и потянула за собой – пошли, подруга, с народом познакомлю. Который тут рядом уже собрался – Вера, Маша, Настя, Надя с Ниной, обе Наташи, Света, еще кто-то. А я в сторону отошла, чтобы авторитетом не давить, да и в Лючии была уверена. Ошиблась немножко.

На севере – истинное лето. Зелень кругом, и солнце так греет, что можно в одном платье ходить. Ночи белые, а рабочий день уже по-мирному, восемь часов, так что заводским после работы время есть на отдых и культурную программу, а кто-то даже купается в Северной Двине, хотя вода на мой взгляд, ледяная. Город строится, новые кварталы закладываются уже к западу от Торфяной, в сторону моря. Улицы благоустраиваются, парк за Первомайской уже на настоящее место отдыха похож, с благоустроенными аллеями, скамейками и фонарями. Кораблестроительный институт расширяется – поговаривают уже о повышении его статуса с филиала ленинградского вуза до полностью самостоятельного. Все как у Маяковского – через четыре года здесь будет город-сад! Я как домой вернулась – хотя это и есть мой дом, где я самое дорогое нашла: и самое важное дело, и любимого человека. А как в Москве будет – неизвестно еще.

Снова заглянула к девчонкам, как там Лючия? А ко мне все сразу с вопросами – Ань, так ты не в Ленинград, а в Киев летала? И когда там по улицам толпы бандерофашистов бегали, а сам товарищ первый оказался предателем, ты вместо него командовала, тебя там дважды убить пытались? И сам Сталин в Кремле тебе орден вручал?¹⁸ И смотрят на меня с таким восторгом, что даже неудобно. И итальяночка тут же, скромно глазки потупив – ну никак нельзя было не рассказать!

А ведь должна была я подумать – что девчата мои обучены информацию по крохе собирать и вместе сводить. В непринужденном разговоре – так, что собеседник сам спешит поделиться. И что мне теперь, со всех подписку о неразглашении брать? Ведь для всех – не было меня в Киеве, не хватало еще лишнее внимание привлечь к тому, чем мы тут занимаемся! И не

¹⁸ См. «Союз нерушимый».

надо говорить, что «никому не расскажете» – как с африканскими алмазами вышло, забыли? А уж про то, что ОУН меня приговорила и мстить будет, вообще молчу!

– Пусть только попробуют, – говорит Ленка, – Надя, на тебе список подозрительных, кто с Украины приехал, и просто с украинскими фамилиями. А особенно, уроженцы западных областей. Ну и охранять тебя будем, как после прошлогодней истории с англичанами. С Вороновым договоримся, ребят из полка НКВД подключим.

– Она у меня в охране, – я киваю на Люцию, – про меня разболтала, а про себя молчок? Спросите, за что у нее орден Боевого Красного Знамени, и еще итальянский от самого папы римского. Она была в числе лучших партизан-гарибальдийцев, специально отобранных в помощь группе Смоленцева, когда они самого Гитлера поймали и притащили живым! Юрка наш фюрера лично взял, а она ему спину прикрывала, ни на шаг не отходя, даже в рукопашной дралась – так что не смотрите, что такая скромница на вид. Ее муж за это – дважды Герой, ну а ей орден, по праву! И в Киеве меня спасла.

У девчат глаза как плошки. А Люция засмушалась. Это тебе маленькая плата за твою болтовню, вот попробуй теперь не соответствовать! «Ты назначен быть героем – так будь им». Ничего личного, подруга, – так и меня Пономаренко в Киев бросил, как щенка в воду, то ли научится плавать, то ли утонет... Не буквально, конечно – провали я там дело, просто вычеркнули бы меня из списка «перспективных», оставайся лишь товарищу Лазареву женой, и не больше. Так я и итальянке сейчас – а ты на что способна, сама по себе? Мы тебе поможем, подскажем, поддержим – но на буксире тянуть не станем.

И Люция, кажется, почувствовала и вызов приняла! Плечи расправила, улыбнулась – и всем стало понятно, что итальяночка свое место возле Юры Смоленцева, героя, легенды и первого парня на этой деревне, занимает по праву. Впрочем, девчатам и спорить не о чем – точно знаю, что у Ленки, Насти, Нади и Светы уже избранники есть, в экипаже К-25! Ну а вид неподобающе нарядный – так тут не киевский ЦК, а мы не «товарищи брекс», сами в форме почти не ходим, и все местное начальство с этим давно смирилось. Как Юрка Смоленцев нас однажды назвал – пантерочки мы, мурчим, в клубок свернувшись, такие мягкие и пушистые, а когда надо, то за врагом без устали и в горло ему клыками. Кстати, после киевских приключений думаю, одного русбоя нам мало – Люция рассказывала, как ее Смоленцев в «лабиринте» гонял, так надо и мне научиться, и девчонкам – а то боюсь, спокойной жизни нам не будет, еще какой-нибудь Василь Кук на пути попадется, и ведь если бы не тренировки в «шаолине», не быть бы мне сейчас живой!

И еще, поняла я после Киева, что власть это не почести, а огромная ответственность, и тяжелая, иногда и грязная работа. За которую никто из армии и ГБ, насколько мне известно, не был награжден. Не привыкла я еще списывать наших людей в «неизбежные потери». А больше пятисот пропавших без вести – кто сгинули неизвестно куда, их родные ищут и не находят, ни среди мертвых, ни среди живых? В мирное время пропавшие – а сколько там милиционеров, коммунистов, комсомольцев погибло? Из бригадильцев, кому я сама поручения давала, тоже не все вернулись. А хлопчик шестнадцатилетний, Марко Капелюх, один из тех, кто наши листовки расклеивал, был схвачен бандеровцами, и они его просто растерзали бешеной толпой! У десантников, кто на Подоле оборонялись, и ОУНовскую сволочь к «Кузнице» так и не пропустили, погибло пятьдесят шесть человек. Да и в больнице, что наши разнесли вместе с бандеровским штабом, оказывается, часть медперсонала оставалась, мобилизованная для ухода за ранеными, бандеры там госпиталь свой устроили. Юрка бы мне объяснил, что войны без потерь не бывает, умом я с ним согласна, а принять не могу. В партизанах мне легче было, там я лишь за себя одну отвечала – а тут за всех, кому имела право приказы отдавать. Наверное, оттого женщин-генералов и не бывает.

– Аня, да будь ты спокойна! – сказала мне Люция, когда мы однажды вечером сидели одни. – Ведь те, с кем мы в Киеве сражались, это фашисты? Значит, все, в войне против них

погибшие, даже если грешники, попадут прямо в рай, так ведь сам папа объявил? Ну а бандеровцы – в преисподнюю, на вечные муки.

– Это если католики, – отвечаю, – а я так вообще в Бога не верю.

– А это неважно! – говорит Лючия. – Мне мой муж рассказывал, как вашего православного священника слушал. Что Бог, он один, и лишь по-разному называется, что у католиков, что у православных, что даже у мусульман. И что дела наши Богу более угодны, чем молитвы, – а потому не верящие, но и не грешившие, тоже в рай попадут, ну не в ад же, Бог справедлив?

Вот уж истинно мне мой Адмирал рассказывал – итальянцы вовсе не религиозные фанатики, а просто знают, что Бог есть, и с этим живут. А Лючия меня иногда поражает – своим смирением там, где я бы взбесилась, и наоборот, близко принимает то, чего я бы и не заметила. С этого следующая история наша и началась.

Скучать тут не приходилось. Дядя Саша снова в Москве – значит, обеспечение безопасности Проекта на ком? Вы правильно поняли, на мне. Вдобавок, как по указанию Пономаренко, должность инструктора ЦК за мной осталась, а значит, и все по партийной линии. А партия у нас руководящая и направляющая – нет, напрямую приказывать директору Севмаша или товарищу Курчатову я права не имею, однако не только могу, но и обязана обратить их внимание на любую проблему, показавшуюся мне важной, а при непринятии мер доложить о том в Москву. Так что – завод, Второй Арсенал, Корабелка, горком. И самообразование! Поскольку, насмотревшись в Киеве на стиль руководства Кириченко, совершенно не хочу быть, как он – судить, не разбираясь в предмете. Пусть не досконально, на то специалисты есть, – но хотя бы уметь вовремя вопрос задать. Так что мои неофициальные посиделки с товарищами учеными и разговоры на умные темы имели для меня глубокий практический смысл. Благо допуск у меня был по высшей форме, собеседники это знали – и тут уже вступало извечное мужское, перед красивой женщиной перья распушить и язык распустить. И мне было чем себя занять, когда моего Адмирала рядом нет. Ну а когда К-25 у стенки Севмаша стоит, то хотя бы полчаса, а то и час на наши ежедневные прогулки, хоть по парку сразу за проходной, это дело святое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.